

Софья Май

Ты мне
не нужна

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Софья Май

Ты мне не нужна

«Автор»

2026

Май С.

Ты мне не нужна / С. Май — «Автор», 2026

Она мечтала о свободе. Он — чтобы она исчезла. Судьба решила иначе. Леонсия Донати — забытая наследница опального клана, которую родная тётка сдала в жёны мафиози за долги. Леон Дэ Анджело — наследник самого влиятельного дома, который не привык, чтобы ему указывали. Их брак — сделка. Их общение — сплошные скандалы. Их единственное общее желание — разорвать договорённость. У него нет сердца. У неё — нет страха. У них — одна война и одна ночь на двоих.

© Май С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Договор	5
Леонсия	7
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	29
Глава 8	31
Глава 9	34
Глава 10	37
Глава 11	40
Глава 12	43
Глава 13	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Софья Май

Ты мне не нужна

Договор

— Вы не выполнили свою часть договора.

— Не страшно мне такое говорить? — грубо спросил мужчина; в его вопросе ясно слышалась угроза.

Женщина в этот момент побледнела, губы её затряслись. Она боялась этого мужчину, но жадность брала своё. Это была последняя возможность заработать на девчонке. Через три месяца эта возможность улетучится. Изольда радовалась, что нашла эти бумаги. Она искала любую лазейку, чтобы посадить на цепь Леонсию, но через три месяца та будет свободна. И тут бумаги сами попали в руки.

Подпись самого Кристофа Дэ Анджело, главы мафиозного синдиката, человека обеспеченного, человека слова.

Изольда знала, что рискует, но она так любила деньги. А это возможность разжиться ими. Другой такой просто не будет. Семь лет можно было не думать о деньгах, семь замечательных обеспеченных лет. Семь лет, когда её никто не сдерживал, никто не контролировал, лишь жалели. Но скоро всё может закончиться. Изольда поняла это, когда пришёл адвокат. Человек, преданный её брату и его семье, он пропал на несколько лет, сидел в тюрьме. Изольда же с легкостью его обманывала и вытягивала деньги брата. Но вот он явился. Он объяснил, что через три месяца Леонсия начнёт сама распоряжаться средствами, и он всё для этого сделает. Более того, он собрался выяснить, какое содержание было у Леонсии, и призвать Изольду к ответу. Изольда долго плакала, объяснялась, кричала, ругалась, пыталась подкупить, но всё безрезультатно. Она так надеялась, что успеет оформить ещё пару справок, продлит опеку и продаст недвижимость, но адвокат был неподкупен. Слишком верен брату Изольды, хотя тот и покойник уже, и слишком недоволен тем, что происходило в его отсутствие. Она писала, что девчонка в порядке, и тот верил ей на слово. И вот он вернулся и узнал правду. Изольда перевернула весь кабинет брата и нашла. Теперь она надеялась отхватить жирный кусок напоследок и скрыться.

— Нет, нет! Я неправильно сказала. Я, наоборот, на вашей стороне. Мой брат ввёл вас в заблуждение, не рассказал о важном моменте, — дрожащим голосом говорила Изольда, бросая на мужчину робкие взгляды в надежде, что тот купится.

— И о чём мой друг Донати умолчал? — всё тем же грубым тоном говорил мужчина.

— Леонсия... она немного не в себе. Точнее, сильно не в себе. Она недееспособна, у неё совершенно шизофреническое расстройство. Она опасная, буйная, совершенно себя не контролирует.

Мужчина прищурился, присматриваясь к женщине.

— Давно?

— С двенадцати лет.

— С момента смерти Сесилии и Альфредо?

— Да, но это началось раньше. Просто брат умалчивал. Он не хотел верить в болезнь дочери и скрывал правду, прятал её ото всех. Но всё было ясно с детства. Я всё это видела.

Мужчина чуть поворачивал кресло, слушая эту женщину. Она не понравилась ему с первого взгляда. Сразу стало ясно, что она будет требовать денег. Её бы не пустили к Кристофу Дэ Анджело, но она сказала, что является родной сестрой Альфредо Донатти. И лишь в память о нём Кристоф согласился её выслушать.

— И что же ты хотела предложить, Изольда?

Женщина от волнения комкала платок в руках, но это было наигранно, актёрская игра; она старалась притвориться другом для Дэ Анджело. Он хорошо разбирался в людях и знал всё, что будет делать эта женщина.

— Леонсии требуется длительное лечение в закрытом специальном учреждении, но, к сожалению, я не могу позволить это финансово.

— Не верю. Альфредо не позаботился о своей любимой дочери? В это я не поверю.

Женщина прижала руки к губам, изобразив всю тяжесть жизни.

— Оставил, но Леонсия... это просто дьявол. Она уничтожает всё кругом, и траты на подержание её в спокойном состоянии слишком велики. А когда она буйная, лекарства дороги, да и платить за её содержание недёшево. Чтобы вернуть спокойное состояние, нужно выложить целое состояние.

— И сколько же ты хочешь? А главное, за что ты хочешь?

— Я выбрасываю этот договор и забываю о том, что он был. Мне надо немного — три миллиона евро.

Кристоф Дэ Анджело усмехнулся. Это небольшие деньги для него, но эта женщина их не заслужила.

— Мне не интересно это предложение.

Женщина моментально перестала страдать.

— Пойдите! В противном случае все узнают, что вы отказались от помолвки, и ваше слово не будет стоить ничего.

Кристофер Дэ Анджело громко рассмеялся, запрокидывая голову.

— А кто сказал, что я отказываюсь? Леонсия Донати станет женой моего сына и наследника Леона Дэ Анджело.

Изольда побледнела, она не понимала, как так вышло, что её план разрушился.

— Но она больная шизофреничка! — истерично воскликнула Изольда.

— Поможем. Наша семья более чем состоятельна, — пожал плечами Кристоф. — С этого момента Леонсия — член нашей семьи. Потрудитесь выполнить свою часть договора и привести Леонсию в наш дом.

— Она больна. На всю голову отбита, психованная, недоразвитая.

— Не советую оскорблять членов моей семьи. Договор о помолвке есть, я согласен. Она под моей опекой с этой секунды.

— Она не поедет. Она ненавидит кланы и всё, что с ними связано.

— Тогда вы будете мне должны. Вы не хотите выполнить свою часть договора?

— Я... я...

Кристоф Дэ Анджело усмехнулся. Эта наивная решила, что сможет поставить в невыгодное положение его. Но он всего добился потому, что никогда не шёл на уступки.

— Вот и славно. У вас десять дней, в течение которых вы привезёте невесту моего сына и передадите её нам. На выход.

Леонсия

Снова этот сон. Хотя это не сон, это воспоминание. Нехорошее воспоминание, которое мучает меня уже долго. Снова мне десять.

Я гуляла с гувернанткой в торговом центре. Вечно пряталась от неё и убегала. Папа всегда называл меня принцессой, но я скорее была обезьянкой. Бедной мисс Палм за мной не угнаться.

Торговый центр, полный людей. Вся площадка забита детьми и их родителями. Я в своей голове придумываю интересную игру: сегодня я ниндзя-невидимка, и моя задача — убежать и спрятаться так, чтобы мисс Палм и охрана этого не заметили.

Они не заметили и потеряли меня. Я справилась. Маленький ребёнок, игравший в игру, выдуманную в своей голове. Никто из взрослых к ней был не готов, никто не знал правил. Я вышла из торгового центра, гуляла между машин, пряталась и пригибалась, чтобы другие ниндзя меня не увидели.

— Девочка, смотри, какой у меня котёнок!

Обожаю котят. Котёнок маленький, такой красивый, пузо полосатое. Его держал незнакомый дядя. Котёнок не вырывался, а ведь животные чувствуют хороших людей, значит, и дядя хороший.

— Какой у тебя красивый браслет, — говорит «хороший дядя», смотря на браслет с бубенчиками, подаренный моим папой. — Жаль, у котёнка нет ошейника с таким же бубенчиком.

— А давайте я отдам ему, — предлагаю я.

«Хороший» дядя повеселел, ему понравилась моя идея. Он помог снять браслет и надеть на шею котёнка. Котёнок смешно старался снять браслет, я смеялась, «хороший» дядя тоже смеялся. А потом шикнул на котёнка, и тот убежал прочь, мимо автомобилей. Я загрустила, а «хороший» дядя накрыл мой рот рукой с вонючей тряпкой, и всё кругом потемнело.

Я просыпаюсь в полутёмной комнате. Как я узнала потом из разговоров взрослых, «хороший» дядя был наёмником, и на меня был заказ. «Хорошего» дядю боялись, и имя его было — Мясник. Мясник знал, что маячок был в моём браслете, и радовался, когда я сама решила снять его и надеть на уличного котёнка.

Мясник любил рисовать прямо по коже ножиком.

Мои руки и ноги были привязаны, а спина болела так, что обжигало. Я громко кричала, когда ножом он рисовал на моей спине. Художник он был плохой, хотел крылья нарисовать, да вышло сломанное крыло.

Он не успел закончить рисунок, не успел начать меня резать на куски.

Вспышка света. В комнате мой папа. Я так рада, что сейчас потеряю сознание. Последнее, что я помню, — как папа из револьвера заставил мозги Мясника разлететься по комнате. Развязал меня, закутал в свою кофту и понёс прочь. На его руках было тепло и спокойно.

Подскакиваю на кровати в холодном поту. Когда же это закончится? Мне почти девятнадцать, а этот сон всё ещё меня преследует. Смотрю на часы — пять утра. Пора вставать. Отбрасываю одеяло, холод тут же пробирает. В доме нет отопления, нет и горячей воды. Точнее, у меня нет средств, чтобы платить за обслуживание этого дома.

Надеваю спортивный костюм, убираю волосы в хвост. Выхожу из комнаты, спускаюсь на первый этаж, в спортзал.

Ежедневные тренировки. После моего похищения папа отправил меня к сенсею Такеши. Два года он жёстко тренировал меня. Мне не нравилось.

А когда мне было двенадцать, всё оборвалось. Родители погибли, и моим опекуном стала папина сестра, моя тётя Изольда. Слышали сказки про злую мачеху? А у меня была злая тётя, которая каждый день напоминала мне, как ненавидела мою маму, а я — полная её копия. Вереница людей, приносящих соболезнования. Я ненавидела их всех. Ненавидела жалость, их желание посочувствовать, при этом они испытывали потерянность, подбирая слова.

После смерти родителей я попала в больницу, в психушку, если честно. Я не верила в происходящее. Спустя десять дней вернулась в дом тёти. Всё кругом стало серым. Тётка меня ненавидела, но мне было плевать. Не помню, почему я пришла к сенсею Такеши, — такое чувство, что он ниточка, связывающая с папой и мамой. Желание папы, чтобы я была сильной. Сенсей Такеши не жалел меня, не говорил о родителях, он отругал за пропуск тренировок и наказал, заставив подтягиваться, пока я не упала. Но мне стало легче. Изольда отказалась оплачивать тренировки, сенсею Такеши было плевать на деньги. Каждый день в пять утра он ждал меня на тренировку, выжимая из меня всю злость и направляя её.

Она терпела меня до шестнадцати лет в своём доме, прекрасно тратя моё наследство. В шестнадцать я переехала в дом родителей, точнее, получила пинка под пятую точку от тётки. И наконец-то почувствовала свободу. Да, дом холодный, да, надо самой зарабатывать деньги на еду. Но я свободна.

Полгода назад сенсей Такеши покинул мир, перейдя в другой. Мой учитель, моя опора, мой бог ушёл. Но он сделал меня сильной и нестигаемой, научил молчать и идти к своей цели.

Закончив тренировку ближе к семи утра, я иду в душ. Ледяная вода обжигает, но я привыкла. Вытираю тело полотенцем, кожа горит после тренировки, и холодная вода не смогла её остудить. Смотрю через плечо в зеркало, вижу свою спину. На одной лопатке шрамы — рисунок, оставленный Мясником, сломанное крыло. На другой — татуировка. Второе крыло мне набили, когда я переехала в дом родителей. Сломанное лишь наполовину и восстановленное, из пепла. Готовое взять свою жизнь в свои руки.

«Меня зовут Леонсия Амато-Донати, и это моя история».

Глава 1

В половине восьмого я уже на работе. Стою возле контейнеров для мусора. Работаю уборщицей в небольшой кофейне рядом с университетом. Не самая дрянная работа, но бывало и лучше. Идиотская справка из психушки сильно осложняет мою жизнь. У меня нет проблем с психикой, но доктор считает по-другому. Это работа моей тети Изольды, она и не особо скрывает это.

Стоит мне устроиться на нормальную работу, как через неделю всплывает неприятный факт моей биографии. Работа уборщицей — единственное место, где всем плевать. Но я не жалуюсь, у меня целый план, и медленно, но уверенно я двигаюсь к цели.

«Свиньи, а не люди», — думаю про себя. Кофейня работает до полуночи, и народ тут допоздна. Но после закрытия такое чувство, что тут начинается бал сатаны. Что за любовь тусоваться на парковке возле помойки, бить бутылки и раскидывать мусор? К открытию тут должно всё блестеть.

Через час я вхожу в помещение, иду переодеваться в униформу, прячу свои светло-розовые косы под бандану. Вообще, уборщицей неплохо работать, я словно тень, никто не обращает на меня внимания.

После работы иду в супермаркет, покупаю пасту, лук, морковь и томаты. Мой ежедневный рацион. На данном этапе жизни я сильно затянула пояс, но это всё лишь для достижения цели.

Иду по краю тротуара. Вечерняя часовая прогулка.

Слышу, как рядом со мной машина притормаживает. Тело моментально напрягается. Окно в автомобиле медленно опускается.

— Госпожа Леонсия Донати, мы можем с вами поговорить? — говорит мужчина, сидящий за рулем и наклонившийся к окну.

— Вы ошиблись, меня зовут Леонсия Амато, — говорю я, не останавливаясь.

Машина продолжает медленно следовать рядом со мной.

— Леонсия Лаура Амато Донати, мне правда надо поговорить с вами. Не уходите.

Я встаю как вкопанная. Мало кто знает мое полное имя. Этот человек из прошлого. Мужчина выходит из машины и подходит ко мне. Очень худой, бледный, острые черты лица, очень короткая стрижка. В деловом костюме.

— Откуда вы знаете мое имя?

— Я сам вписал его в ваше свидетельство о рождении, — отвечает мужчина, пожимая плечами. — Меня зовут Альберто Гарсия, я адвокат, поверенный вашего отца и его близкий друг. Может, вы меня помните?

Смотрю на мужчину, стараясь вспомнить. У отца, конечно, был адвокат, только я помню полного мужчину раза в четыре больше, чем этот, больше похожий на скелет с впалыми щеками.

— Простите, но нет. У отца был адвокат, но вы не похожи.

Мужчина засмеялся.

— Тюрьма никого не украшает, я скинул килограмм сорок пять. Я могу вас подвести?

Меня передернуло. «Хороший» дядя предлагает подвести. Ну уж нет.

— Нет.

— Понимаю, — мужчина окинул меня взглядом с ног до головы. Вижу, как на его лице появляются очертания злости. — Почему дочь моего друга так выглядит?

От его вопроса я просто в ступоре.

— Как так? Нормально я выгляжу. Опрятно, чисто. Что вам надо?

— На ваше содержание выделялись хорошие деньги. Почему наследница Амато-Донати работает уборщицей и ходит в такой одежде? Почему вы работаете, а не учитесь? Вы с детства хотели заниматься искусством.

Хотела. Очень хотела, но все изменилось, одного желания мало.

— Я не понимаю вашей претензии и не принимаю ее, — огрызаюсь я.

Мужчина усмехнулся.

— Слова дочери и наследницы Донати. Мне присылали отчеты, и в документах я видел траты на подготовку к университету, траты на одежду, машину. Мне даже прислали документы о вашем принятии в университет.

Начинаю громко смеяться.

— Да, в университет я сама поступила, но вот есть одна справка. Я психопатка. Психопатка с приступами шизофренического расстройства, зачем университету такие проблемы? Сеньор Гарсия, зачем вы мне все это говорите?

Мужчина сжимает руки в кулаки, вижу, как напряжен он, губы сжаты так, что побелели.

— Сука. Простите, госпожа Донати, это не о вас. Я сам виноват. Надо было лучше выполнять свою работу.

— Бывает, — говорю я, пожимая плечами. Может, он и правду говорит, скорее всего. Моя тетя очень любит тратить деньги. Когда она узнала, что я поступила в университет, она лично принесла документы в университет и требовала меня отчислить. Она мой опекун.

— Не бывает. Можно еще один вопрос?

— Попробуйте.

— Почему вы живете в доме родителей? Я был там, он не пригоден для жизни.

Странный вопрос, а где я еще должна жить, если не в доме родителей? Да и нормальный у меня дом. Вот скоро обогреватель куплю, и в комнате еще и тепло будет. А так меня все устраивает. Он на что вообще рассчитывал?

— Уж лучше там, чем на улице, — отшутилась я.

Мужчина снова задумался.

— Я понял. Я хочу, чтобы вы понимали, что я вам друг и вы можете доверять мне.

— Никому нельзя доверять, — парировала я. Если он человек отца, то должен понимать, что я никогда больше не стану мило улыбаться первому встречному только потому, что он сказал, что «друг».

— Снова слышу слова вашего отца, — усмехнулся Гарсия. — Я хочу вам показать кое-какие документы. Они у меня в машине.

Я усмехнулась. Он серьезно считает, что я сяду в его автомобиль? О нет.

— Понимаю, после того случая вы не верите незнакомцам. А меня просто не помните. Я сильно изменился. Ваш отец гордился бы вами. Тем, что вы очень осторожная стали. Мы можем присесть в кафе, и я покажу документы. Это общественное место. На ваш выбор.

Я стою, раздумывая. Когда меня похитил Мясник, он делал это из-за работы отца. Сейчас я никому не нужна. Я просто бедная девушка, от бывшего величия отца осталась только фамилия. Меня нельзя использовать как пешку. Остались лишь руины. Этот человек, чтобы он ни хотел, ничего не сможет получить. А мне даже интересно, что он мне покажет.

Я киваю, показываю на круглосуточный маркет. Там можно купить кофе и есть столики, где можно поговорить. Мужчина видит, куда я показываю. Вижу, как он кривится от этого места, его передернуло.

— Вы не должны были так жить. Но я докажу, что мне можно доверять. Я просто обязан был вести дела с выгодой для вас.

Мне смешно. Ну ладно, посмотрим, что он там мне покажет. Мы вошли в маркет, я подошла к кофейному автомату, сделала два стаканчика кофе. Мужчина пока усаживался за стол и доставал увесистую папку с документами.

Он поблагодарил за кофе, вижу, как он с удовольствием отпивает. Да, кофе тут неплохой и очень адекватная цена. Я отпиваю горячий напиток. И правда хороший. Лицо Гарсия меняется.

— Что?

— Для меня этот напиток нормальный, с учетом того, где я провел последние годы, но вы не должны радоваться этому пойлу.

Он снова старается взять себя в руки, поворачивает ко мне папку с документами.

— Леонсия, ваша мама оставила вам некоторое наследство, как и отец. Наследство Амато вы сможете получить через три месяца.

— Несите сразу эти бумаги Изольде, она будет рада. Все равно мне не получить ничего. Она мой опекун. Я недееспособна частично.

Лицо Гарсия снова темнеет.

— Я все решу, — говорит мужчина. — Как она получила эту справку? У вас правда проблемы?

— Каждый год она продлевает опеку.

— Кто врач?

Я пожимаю плечами.

— Я его никогда не видела.

— Это как? Вы не ездите на обследование?

Я отрицательно качаю головой.

— То есть справку продлевают без вашего присутствия?

— Да. После того как в двенадцать лет я неделю пролежала в больнице. Все идет по накатанной.

— Больше вы не попадали в больницу?

Я качаю головой.

— Отлично, — на лице Гарсия появляется улыбка, злая, в глазах искорки. — Это очень хорошая информация. Леонсия, если я вам скажу, что мы отменим ее опекунство?

— Хотите занять это место?

— Нет. Хочу объявить вас дееспособной. Я упустил этот момент. Для меня она была опекуном лишь из-за вашего несовершеннолетия, но оказалось всё глубже и грязнее. Так что скажете?

— Зачем вам это?

— Альфредо — мой друг, я ему обязан, и я не справился. Наследство матери немаленькое, но наследство отца больше. Гораздо больше. Я пару дней буду собирать информацию. Никому не говорите о нашей встрече. Не хочу, чтобы эта гадюка Изольда ставила мне палки в колеса. Но обещаю, я устрою ей такую жару.

Глава 2

Не скажу, что на все сто процентов я доверяю Альберто Гарсии. Но мне безумно хочется избавиться от влияния тетки. Да и смыть с себя это клеймо психопатки. Начать новую жизнь.

Вернувшись домой, я в первую очередь зашла в кабинет отца. Давно тут не была и очень удивилась (я не входила сюда давно — слишком много напоминает о родителях). В кабинете всё было перевернуто. Книги на полу — видимо, каждую перетрясли. Все документы разбросаны. Ну, это моя тетка постаралась, приходила, пока меня не было. Ничего удивительного.

Начинаю наводить порядок: расставляю по местам книги, собираю бумаги по папкам. На многих документах стоит подпись папиного адвоката: Альберто Гарсия. Значит, он и правда его адвокат. Но он ли это? В маминых вещах должны быть фотоальбомы.

Рассматриваю фотографии, на одной из них нахожу улыбающегося мужчину. Я помню его, но он тут полный, рубашка обтягивает живот, он улыбается, и на крупных щеках ямочки. Вот этого человека я помню. Не могу сказать, что тот мужчина, с которым я встречалась, и есть Альберто Гарсия — разница колоссальная. Сейчас у него впалые щеки, он как скелет. Ладно, не это главное. Моя тетка Изольда перевернула кабинет, а Гарсия сказал, что уже беседовал с ней. Это оживило Изольду.

Гарсия оставил мне свой номер телефона и предупредил, что заедет ко мне через пару дней. Посмотрим.

Утром от Гарсии пришло сообщение: «Леонсия, есть новости. Мои люди достанут копии твоих документов. Главная проблема — Изольда. Постарайся меньше с ней общаться. Обо мне ни слова, она занервничала и начала за тобой следить».

«Хорошо», — отвечаю я.

Интересно, что она хочет увидеть? Как я полы мою или мусор собираю? Хотя плевать. Ее активность не вносит в мою жизнь ничего нового. Время от времени она врывается и проверяет дом, однажды разбила новый ноутбук. Я позвонила ей, но она, смеясь, ответила, что она за меня отвечает и не разрешает мне никакой техники, кроме кнопочного телефона. Сообщение от Гарсии я удалила на случай, если тётка захочет проверить телефон.

Мою полы спокойно, никого не трогаю. В кофейне сегодня шумно. Пришла компания придурков. Два парня и разукрашенные девушки. Модные шмотки, рядом с кофейней стоит блестящая тачка, на которой они и приехали. Раньше я их тут не видела. Прожигатели жизни, мажоры. Девушки липнут к парням, ведут себя весьма неприлично, обжимаются и громко гогочут.

Но это не мое дело. Мое дело — мыть полы, убирать мусор и ждать сообщения от Гарсии. Я так надеюсь, что он мне поможет избавиться от власти Изольды.

— Ну и уродина же, — громко говорит девица с ярким до одури макияжем и передутыми губами.

О, это она мне. Но мне всё равно. Гарсия сказал вести себя тихо. Ничего не поменялось, а я начала чувствовать адреналин и надежду. Это плохо. Плохо, если не получится, а я понадеялась. Гоню мысли прочь. Ничего не изменится, хуже не будет. Всё просто останется так, как и было.

— Да, с такой внешностью до смерти убиральщицей работать, — гогочет вторая девица. — Что, всё схавала, лохудра? Капец, ты задротная.

Поднимаю голову, смотрю на них. Им что, заняться нечем? Мне даже немного смешно. Я могу разбить её личико одним движением, могу задушить за пару секунд. Я могу проучить ее и показать, что не надо так общаться с персоналом, но мне это не нужно. Курицы, которым

скучно. Они слабые. Вспоминаю слова сенсея Такеши: «Самоутверждаться на слабых — признак слабости». Не трону я их. Не могу сенсея Такеши расстроить, пускай с миром отдыхает.

— Погнали, потрахаемся, — громко говорит один из парней. Девушки, довольные таким предложением, восторженно соглашаются. Во, придурки. Сборище неудовлетворенных особ. У парня, видимо, проблемы с интимным делом, иначе зачем он так громко объявлял о своих намерениях на всю кофейню? Дурачок какой-то. Девушки очень рады его предложению — тоже не понимаю такой реакции. Вроде он их оскорбил, а они довольные. Ладно, сборище убогих. Нет смысла на них обращать внимания.

Выйдя из-за стола, девицы смахивают чашки и тарелки со стола. Громкий звон бьющейся посуды наполняет кофейню. По полу растекаются остатки кофе, да и то, что было в тарелках. А вот это уже залёт. Провоцировать меня не стоит.

— Чмошница, вот ещё убери. А то платить не будут такой убогой. Компания громко гогочет, выходит из кофейни.

Смотрю на них и держу себя в руках. Запомнила каждого. Как жаль, что я на самом деле не больная на голову, — с таким удовольствием я отметелила бы шваброй этих девчонок. С каким удовольствием заставила бы их языком вытирать разводы с пола. Три шалавы раскрашенные, жертвы пластики, и два ублюдка. Родители в детстве видимо в угол не ставили, вот и выросли идиотами.

Смотрю на разбитую посуду.

— Леонсия, ты что творишь! — выбегает в зал директор кофейни.

Ну, только его не хватало. Истеричный мужчина.

— Вся посуда пойдет из твоей зарплаты! — кричит директор, машет пальцами.

Ну, спасибо вам, компания уродов. И так все деньги собираю в кучу. Покупка графического планшета отдалается.

— Пойдите! — громко говорит девушка, сидевшая с подругой за столом. — Она ни в чем не виновата. Тут была компания, и именно они это сделали.

За меня что, кто-то решил вступить? Смотрю на девушку: миленькая, чистенькая, волосы белые, глаза огромные голубые. Похоже, у меня ангел-хранитель появился. Других сравнений не могу придумать, смотря на нее.

— Девушка, не вмешивайтесь, — кривится директор кофейни.

— А почему это? У вас есть камеры, посмотрите.

Ну да. Камеры. Наш директор — жлоб. Это не камеры, а так, обманка. Да и трусливый мистер Барри никогда не станет искать того, кто это сделал. Проще на меня всё скинуть.

Мистер Барри прямо покраснел весь, надуваться начал, как жаба.

— Они не работают, это муляж, — говорит мистер Барри.

— Но девушка ни в чем не виновата, — перечит ему девушка.
Ты смотри, какая упёртая.

— А мне какое дело? Кто за это заплатит?

— Вызываем полицию. Камеры не работают — не страшно, зато есть два свидетеля, готовых подтвердить. У меня как раз папа работает в полиции. Свидетелей будет достаточно.

— Леонсия будет молчать, — смеясь, говорит мужчина. — Я тоже вызывать не стану.

— Зато стану я. Это мой гражданский долг — заявить на тех, кто устраивает хулиганские действия в общественном месте. Нет камер у вас? Есть у соседей, номер машины, на которой они уехали, легко узнаем.

О, нет. Чёрт с ними, с деньгами. Только полиции тут не хватает. Теперь понятно, чего она вступилась за меня, — папа в полиции работает, законница. Вот только всё сложнее. Мне нельзя нарываться и общаться с полицией. Не с моей справкой, ни в моей ситуации. Ни в состоянии ожидания результатов проверки Гарсии. Да и если Гарсия не сможет помочь, я не могу потерять работу, мне нужны эти деньги.

— Правильные какие. Ладно, это издержки бизнеса. Не стану ее наказывать, — говорит директор и поворачивается ко мне. — Леонсия, убери, пожалуйста, зал. Скоро из университета налетят. Сделай, чтобы чисто было. Довольна?

Фух, я выдыхаю. Убрать — да легко. Только проблем лишних не сотворите.

— Номер телефона мне свой продиктуй, — говорит девушка. — Вдруг твой босс передумает.

— Спасибо за помощь, — тихо говорю я. — Но они просто придурки, много чести с ними ругаться. Вот уж миленькая какая, а жёсткий характер.

— Не жалею тех, кто не пожалел бы тебя, — говорит мне девушка.

Я бы с удовольствием. Только вот незадача: не могу я открыто противостоять. Пока не могу.

Глава 3

Уставшая, я пришла домой. Приготовила пасту и скромный соус, чтобы не есть всухомятку. Холодный холл наполнился звуком звонка. Кто это в такое позднее время? Гостей у меня не бывает. Тетка не считает нужным звонить.

Подхожу к двери, открываю и вижу Альберто Гарсию на пороге.

— Госпожа Леонсия, я в гости. С новостями, — Гарсия улыбается.

Что он мне может сделать? Ничего страшного. Отхожу в сторону, пропуская его в дом.

— Проходите на кухню, я ужинаю.

Альберто кивает, собирается разуться, но я касаюсь его локтя и отрицательно качаю головой. Если он разуется, то получит воспаление легких спустя пятнадцать минут.

Мужчина уверенно идет на кухню. Что же, расположение комнат он знает.

Гарсия проходит на кухню, садится за стол, смотрит на содержимое моей тарелки. Вижу в его глазах грусть.

— Вас что-то не устраивает? — спрашиваю я.

— Лишь то, что не доглядел за вами.

— Хотите есть? — спрашиваю я. Еще одну порцию я точно наскребу.

Мужчина кивает. Беру большую тарелку, накладываю и ставлю перед ним. Он пробует.

— Очень вкусно.

— Да ладно вам, — смеюсь я.

— Правда, вкусно. Скромно, но вкусно. Поверьте, тюрьма прекрасно показывает, какой безвкусной может быть жизнь.

— Я нашла пару фотографий в мамином альбоме.

— Я тогда был толстым. Но если покажете мне их, я расскажу, где и при каких обстоятельствах они были сделаны.

Мне нравится эта идея. Может, если он мне немного расскажет, я больше ему начну доверять. Иду в мамину комнату, приношу тяжелый альбом с фотографиями. Мне даже интересна его реакция. Альберто Гарсия открывает его, видит фотографии улыбающихся родителей, и вижу на его лице грустную улыбку. Он пальцами проводит по лицам родителей.

— Как же я по ним скучаю. Прости, Альфредо, я наведу порядок, — он переворачивает страницу. — О, вот я. Смотри, Леонсия, какой я был толстый.

Мужчина смеется, с интересом рассматривает фотографии, даже не заметив, что начал говорить со мной на «ты» и без этого «госпожа».

— У меня рубашка на пузе не застегивалась. Мы в тот день на пикник ездили. Альфредо с Сесилией накануне страшно поругались. Характер у обоих взрывной был. Альфредо — молчаливый, но ровно до тех пор, пока не начинал ревновать Сесилию. А мама твоя, если видела, что Альфредо не замечал ее эмоций, за секунду его доводила. Они поругались страшно. А вечером в кабинете Альфредо сидели, и Сесилия просто вошла в новом платье. Так отец моментально всех выгнал. Мирились так же шумно. А потом на озеро поехали все вместе...

На глаза накатывают слезы. Он говорит о них так, как будто они рядом. Он точно тот самый человек.

Гарсия поднимает взгляд, видит мои глаза.

— Простите, госпожа Леонсия, я позволил фамильярность.

— Не надо этих «госпожа». Просто Леонсия, — говорю я сквозь комок в горле.

Мужчина еще немного посмотрел на фотографии.

— Я могу вот эту забрать?

— Да.

— Мы тут были счастливы. Так давайте к делу, — Гарсия забирает фотографию, убирает ее во внутренний карман пиджака. — О вашем наследстве и дееспособности. Есть несколько путей решения. Главное — все успеть за эти три месяца.

— Почему три месяца? — он уже второй раз повторяет это.

— Я еще хочу семью повидать, — отвечает мужчина, пожимая плечами.

— А в чем проблема? — спрашиваю я, хмурясь.

Гарсия вздохнул, вижу, что он не хочет говорить.

— Ну, вы же видели, какой толстый я был. Похудел за последние девять месяцев примерно.

Я выгибаю бровь, все еще не понимая, куда он ведет.

— Я умираю, Леонсия. Мне осталось недолго, и я хотел бы уладить твои дела и успеть увидеть семью.

Вот тут у меня глаза на лоб полезли.

— Гарсия, вперед к семье. Хуже жить я не стану.

— Нет, — отрезал мужчина, смотрит на меня жестко, запрещая взглядом спорить. — Моя семья живет хорошо благодаря Альфредо, а я плохо выполнил свою работу, и ты живешь черте как. Я исправлю ошибку. Это не обсуждается.

Мне становится грустно. Почему вокруг меня всегда смерть? Стоит человеку быть ко мне добрым — и он уходит.

— Хорошо, тогда давайте быстрее. Что там надо сделать?

— Надо всего-навсего решить вопрос с вашей дееспособностью, обзавестись поддержкой кланов, представить вас семьям и выкатать претензию Изольде. Я бы предпочел суд перед кланами.

У меня глаза словно блюдца. Он хочет чего? Меня опять туда же засунуть?

— Я не хочу иметь с кланами ничего общего. Я хочу просто жить. Идеально — это сменить документы, город, купить планшет и рисовать на заказ.

Гарсия начинает громко смеяться.

— Леонсия, ты чудо, — потом барабанит пальцами по столу. — Все равно нужно с наследством решать. Сейчас делами отца занимается человек, часть он исправно выплачивает. Денег у тебя много, НО пока Изольда делает из тебя психа, я не даю доступ к этим деньгам.

— И что делать? — спрашиваю я.

— Доказывать твою дееспособность. У меня уже есть часть документов. Мы с этим разберемся. Ее любовник раз в год обновляет документы. Это я разнесу. Но я сейчас думаю, чьей поддержкой заручиться. Узнают о наследстве — могут и Изольду в оборот взять, а потом помножить на ноль. Надо думать. Я могу прямо сейчас выдать тебе тысяч двадцать, это не проблема. Но боюсь, что она начнет лезть.

Я пожала плечами. Она может. Даже не так, она обязательно так сделает.

— Сможешь еще немного пожить в таких условиях? — спрашивает Гарсия, раздумывая.
— Я подумаю, как правильно все сделать, учитывая твои пожелания разорвать отношения с кланами.

— Легко, — смеюсь я. — Я, если честно, не сильно надеялась на результат. Так что готова к худшему. А худшее — это просто все останется так же.

— Смотри, я начну действовать. Но чтобы все прошло гладко, мне надо, чтобы ты вела себя тихо. Даже дорогу ты не можешь перейти в неподобающем месте. Никаких конфликтов ни с одним человеком. Договорились?

Я смеюсь.

— Договорились. Но, Гарсия, если через два с половиной месяца ничего не выйдет, ты едешь к семье. Обещай мне. Родные должны иметь возможность провести с тобой время.

— Если не выгорит, ты едешь со мной. Не получится вернуть твои деньги — сделаю тебе документы и вывезу как свою дочь. Скромно, но проживем лучше, чем это все, — Гарсия протягивает руку. Я, улыбаясь, пожимаю его сухую руку.

— Идет.

Мы еще немного поболтали. Он рассказывал нюансы своих действий. Главное для меня было — не вляпаться ни во что.

Ближе к полуночи он ушел.

Глава 4

По просьбе Гарсиа я веду себя очень тихо. И раньше словно тень была, живу по определенному графику и не лезу никуда. Но словно в подтверждение слов Гарсиа, дикая компания стала приходить в кофейню каждый день. Плюс ко всему, какие-то идиоты начали привозить кучи мусора, битого стекла и раскидывать у запасного входа.

Они меня всё больше выводят из себя, но я держусь.

Количество в этой компании менялось. Время от времени появлялись новые девушки. Неизменными оставались два парня. Один, что всегда сидел молча, наблюдал за мной с таким лицом, словно я ему на голову вылила ведро с грязной водой. С откровенной неприязнью. Девицы же не стеснялись в выражениях.

И всё же я держусь. Гарсиа всю неделю писал мне о продвижении в моём деле.

Стою, натираю полы, слышу звон колокольчика на двери. Вижу девушку, которая вступилась в прошлый раз за меня. Она заказывает кофе и подходит ко мне.

— Привет.

— Привет, — отвечаю, не отвлекаясь от работы.

— Директор больше не ругал? — спрашивает она.

— Пока держится, — отвечаю, улыбаясь. Он-то, конечно, держится, но компания идиотов возвращается каждый день и устраивает скандалы. — Спасибо за помощь, он немного притих.

Слышу голос Барри, который орёт и зовёт меня.

— Побегу, иначе всё изменится, — говорю я.

Вот кто на нервах, так это мой директор, и чувствую — он вот-вот сорвётся. Ему не нравится, когда ему указывают.

Барри снова жалуется на разбитые бутылки возле заднего выхода. А я даже рада, что смогу немного побыть на свежем воздухе. Выхожу на улицу. Вот же свинюки, опять разбили бутылки. Согнувшись в три погибели, собираю стекло. Дверь кафе громко хлопает, и до меня доносится разговор.

— Джероламо, отпусти меня, — говорит та самая девушка, которая за меня заступилась. — Дай я наберу Данте, объясню, что надо ехать. В какой больнице мама? Мы с ним приедем.

Я на корточках сижу между мусорными контейнерами и наблюдаю за сценой. Девушка знает этого мужчину, вижу, что он ей не нравится. Она достаёт телефон, но мужчина выхватывает его и бросает с размаху в стену. Несчастный телефон разбивается, разлетаясь на куски, часть пластика прилетает мне в голову.

— Ну ты и сука стала, — шипит мужчина. — Если не хочешь, чтобы я тебе разукрасил лицо, иди смиренно.

— Пусти меня, — кричит девушка.

Что тут вообще происходит? Гарсиа сказал не влезать в неприятности, но во мне словно просыпается прошлое.

— Хватит дёргаться. Я тебе сказал — пошла со мной. Живо.

— Я никуда с тобой не пойду!

Мужчина замахивается. Вот же трусливый кусок дерьма.

— Заткнись, сука, и привыкай. Я отдал тебя за долги. Всё, ты, блядь, собственность Фредо Ферри, и чем скорее ты это поймёшь, тем лучше будет для всех. И если раньше он предлагал жениться, теперь ты его шлюхой станешь.

Что он сказал? Вот же урод. Ненавижу таких, мне становится сложнее дышать. Я не могу за неё вступиться, мне нельзя. Не с моими проблемами.

— Джероламо, я человек, а не чья-то собственность. Я никуда не поеду!

И тут я вижу, как он отвешивает девушке жёсткую пощёчину.

— Молчи, сука. Ты кусок мяса, который я продал. Но Ферри быстро тебе объяснит, что к чему. Он с бабами не церемонится. Сука, хотел же сделать аккуратно, но нет, ты, блядь, жениха себе нашла. Сука.

— Мама в курсе, что ты творишь? — спрашивает девушка.

Этот человек ещё и с её мамой знаком. Жуть какая.

— Аллегра, заткнись. Твоей маме я как-нибудь объясню всё. Она меня обожает. А вот Ферри потребовал тебя сегодня. Сука, ну хотел же по-хорошему. Не хотел пачкать руки.

Теперь я и имя её знаю. Аллегра кусает мужчину за руку, тот снова бьёт её по лицу. Аллегра покачивается.

Мне нельзя лезть. Мне нельзя. Я должна оставаться тут. Закрываю глаза, вдыхаю, выдыхаю, открываю глаза — и всё проясняется. Я должна думать о себе, но не могу. Не в этот раз.

Не для того сэнсэй Такэси меня учил, чтобы я, как крыса, спряталась в помойке.

— Эй, дядя, отпусти её, — громко говорю я. — Она же сказала, что никуда не пойдёт.

Мужчина оборачивается, смотрит на меня, выходящую из-за мусорного бачка.

— Пошла нахер, — кричит мне мужчина и снова хватается Аллегру за руку. — Ты, блядь, ещё кто такая?

Смотрите-ка, какой глупый. Глупый мужчина не воспринял меня всерьёз. Ну и ладно, во мне столько скопилось за эти дни, что я с удовольствием вылью всю злость на него.

Медленно иду в сторону уroda, держащего Аллегру.

— Я-то пойду, дядя, только её отпусти.

— Пошли, Аллегра, Фредо уже ждёт.

Вот козёл, совсем не слышит, что я ему говорю. А я не люблю, когда меня не слушают.

Хватаю мужчину за руку, выкручиваю и поднимаю её вверх. Тот визжит, шлёпнувшись мордой в асфальт. Надеюсь, теперь он меня услышит.

— Отпусти, сука. Ты не знаешь, с кем связалась, — кричит трусливая морда. Нашёл кого пугать, уж я-то пуганая.

— С гандоном я связалась, видела таких.

— Тебе голову открутят.

Мне смешно становится. Кто?

— Но явно не ты, ты трусливое дерьмо, и место тебе — жрать с помойки.

Он решил расплатиться девушкой.

Недалеко от нас слышу движение. Двое мужчин. Мелкие бандиты. Таких мой папа в жизнь на работу не брал. Сколько понтов, а кроме них ничего.

— Эй, проблемы?

— Да, — отвечает мужчина, продолжая «целовать» асфальт. А, так это ещё и его ребята. — Та сука у дверей ваша, я выплатил долг, а вторую себе заберите на забаву. Я Ферри больше не должен, забирайте их обеих.

Чего? Что он придумал? Мною рассчитаться за свои долги? Вот смешной. Спасибо, дядя, это была такая сложная неделя, но ты мне сам пришёл и помогаешь расслабиться. С размаху бью его мордой об асфальт. Как же приятно.

— Говорю же — трусливый гандон, не смог её забрать, решил ещё и меня быстренько предложить. Что такое? Слабенький дядя не справился с девчонками, нужно подкрепление? — смеюсь, произнося эти слова.

Смотрю, как двигаются мужчины. Чистые гопники, ничего не умеющие. По ним видно, что привыкли силой брать и количеством. Поворачиваюсь к Аллегре: она стоит бледная, лицо в крови, губы трясутся.

— Отойди к двери.

— А чё, соска зачётная, — гогочет один.

— Я всегда рад потрахаться, — гогочет другой.

Смотрите, какие наглые уроды. Их слова меня лишь сильнее злят, а когда я злая, я очень люблю делать больно. Всё-таки не зря мне выдали справку.

— Трахалка не отросла, — огрызаюсь.

— На помощь!!! Помогите! — громко кричит Аллегра.

Вот же глупая. Сказала ей бежать, она мне только мешать будет.

Один из уродов замахивается, собираясь ударить меня кулаком. Ни бить, ни свою массу рассчитывать он не умеет. Легко уворачиваюсь, хватаю его за руку и помогаю мальчику сделать сальто. Но мальчик с первой попытки не делает его идеально, шмякается спиной прямо на асфальт. Ему будет больно ближайшие четыре минуты, дыхалка не сразу придёт в себя.

— Сука! — орёт второй, хватая меня за шиворот.

Уворачиваюсь под его рукой, подпрыгиваю, обвивая его ногами за талию, подтягиваюсь и набрасываю захват на его шею. Второй рукой давлю. Главное — не переусердствовать. Мальчики не знают, что надо «постучать», и скоро этот потеряет сознание.

Держу крепко, всё сильнее давя. Он сначала брыкается, старается скинуть меня. После чувствую, как его мышцы начинают слабеть, он оседает.

Рядом слышу шуршание: первый урод начал приходить в себя. Отпускаю талию, тянусь, продолжая руками давить на шею, закидываю захват на шею ногами, пока он не пришёл в себя. Ждём. Давим и ждём. Под руками чувствую, как урод улетает в бессознательное состояние. Отпускаю хват. Убивать никого не собираюсь.

— Гандоны, — ругаюсь я. — Ты, блин, в какое дерьмо попала?

Спрашиваю у Аллегры. Да, мой конфликт с расфуфыренными девицами и рядом не стоит. У девушки проблемы не кислые.

Слышу топот и вижу мужчин в костюмах, которые бегут в нашу сторону.

— Да, блядь, — ругаюсь я. Эти выглядят солидно, с ними будет сложнее. Гораздо сложнее. Если они вооружены, то мне не справиться. Смотрю по сторонам, вижу свою швабру, выкручиваю основание, вооружаюсь. Так себе оружие, но хоть задержу их немного. — Ну что, гандоны. Потанцуем?

Кручу палку перед собой. Надо задержать их. Мужчины останавливаются и вроде не собираются к нам подходить. Смотрят на тех, кто лежит на земле. Да, да, это моя работа. И тот, кто двинется первым, ляжет рядом с теми уродами. Всех, может, и не остановлю. Но всё же потанцуем.

— Госпожа Аллегра, что тут произошло? Мы слышали ваш крик, вы звали на помощь, — говорит мужчина с волнением.

Чего? «Госпожа Аллегра»? Они что, её знают? Отчего такое услужливое обращение?

— Ты его знаешь? — спрашиваю у Аллегры. Та кивает в ответ.

— Мы телохранители госпожи Витали, — поясняет мужчина. — Майкл Моралес.

Кто? Телохранители. Ему тело хранить доверили, а он где был? Как можно так наплеватьски относиться к своей работе? Меня такая злость берёт.

— Говно ты как телохранитель, — смеюсь я в лицо Моралесу. — Её вон тот продал, вот этим.

Майкл Моралес молча слушает. А всё потому, что сам знает, что облажался. Прекрасно знает. У него вид сейчас такой же, как у моей охраны, когда меня в детстве потеряли. Да, я сама была виновата. Но чёрт возьми, это их работа.

Майкл достаёт телефон из кармана джинс, кому-то звонит.

— Босс, у нас ЧП. Кофейня, задний двор, выход на парковку. Ждём.

Смотрю на троих уродов, что валяются на земле. Теперь они не моя проблема. Я даже не думала, когда лезла в драку, что делать с ними. Не бросать же работу. Повезло, очень повезло, что есть кому с ними разбираться.

Иду убирать мусор. Надеюсь, эта стычка не будет иметь последствий для меня. Это всё очень не вовремя.

— Давай помогу, — подходит Аллегра.

— Оно тебе надо? — рычу я. Да, она не виновата. Но я просто успокоиться не могу.

— Хочу руки занять. Меня трясёт.

— Да, понятно. Давай, помогай. Но если придёт мой директор, он ругаться станет, — объясняю девушке.

— Спасибо тебе огромное. А ты где такому научилась? — спрашивает Аллегра.

Не знаю, стоит ли мне отвечать. Она совершенно не из моего мира и не знает, какого говна можно хлебнуть, имея определённую фамилию. Воспоминания накатывают. Мясник, мама, папа, сэнсэй Такэси. Снова их образы перед глазами.

— Папа отправил учиться к сэнсёу Такэси, — отвечаю я и сразу намекаю, что разговор на эту тему окончен. — Не люблю об этом говорить.

Мужчины развивают активность. Это радует, это не моя проблема больше. Собираю мусор, закидываю в контейнер. Рядом слышится визг автомобиля, из которого вылетают два огромных парня с бешеным взглядом.

— Твой? — спрашиваю у Аллегры.

— Мой жених, — отвечает Аллегра.

Вижу, кто именно этот парень. Это Данте Каррера. Очуметь. Из наших. Вот это интересный виток.

— Данте Каррера — твой жених?

— Ты его знаешь?

— Слышала. Будет весело, — смеюсь, говорю я, залезая на крышку контейнера. Даже интересно, что наследник мафии сделает с этими уродами, да и со своей охраной.

Первым делом Каррера бьёт уroda, что продал Аллегру, по лицу, а после бежит к своей невесте, не замечая никого вокруг.

— Аллегра, ты в порядке?

Она кивает.

Эх, любовь, любовь. Глядите, как перепугался.

Данте поворачивается к Майклу.

— Что тут произошло?

Майкл Моралес подходит к Данте.

— Джероламо Сантори, отчим госпожи Витали, а рядом — люди Фредо Ферри. Мы не знаем, что тут произошло, на сто процентов, но скоро выясним.

Начинаю громко смеяться. Моралес просто пробил дно. Пробил его башкой с размаха.

— Не думала, что Данте Каррера может настолько облажаться. Моралес, ты облажался, зато сколько о тебе разговоров ходит, но ты пробил дно. Может, лучше узнать у нас с Аллегррой, что тут произошло? Твоей охраны, Данте Каррера, тут не было.

Данте поворачивается, вопросительно смотря на меня. После Данте смотрит на Майкла, тот кивает, соглашаясь со мной. Какое дно. Это облажательство года. Охрана Карреры не смогла сохранить его невесту. Да. Но стоит заметить, что охрана папы также не смогла меня охранять. Лопатка начала тянуть, снова шрамы болят, когда вспоминаю.

— Это как понимать?

— Госпожа Витали зашла в кофейню, мы не ожидали опасности, думали, она в уборную пошла. Позже мы услышали её крик. Когда подошли, ЭТА... — Судя по всему, оглушила Сантори и людей Ферри, — говорит Моралес.

Вот урод. Меня «ЭТОЙ» назвал. Не нравится, как и что я говорю, — не стоит наплеватьски относиться к своей работе.

— А какого хуя не ты тут, а она разбиралась?

— Мы следовали инструкциям. Если бы госпожа Витали двинулась с места, маячок в её телефоне двинулся, и мы последовали бы за ней.

И тут меня просто срывает. Маячок. Из-за того что моя охрана также следила за маячком, у меня появились художества Мясника на спине.

— Сука! — громко говорю я, прыгивая с крышки контейнера. — Сука, как можно полагаться на ебаный маячок, если ты не видишь тело, которое защищаешь? Ты не ТЕЛОхрани-тель, ты МАЯЧКОнаблюдатель.

Наклоняюсь, лезу рукой под бачок — мне же в голову кусок телефона прилетел.

— Ты это решил отслеживать? Сука! Почему вы полагались на сраный маячок? А ты, — поворачиваюсь к Аллегре, — должна понимать, что нельзя идти за «дядями». Даже блядь если тебе котёнка или конфетку предлагают. А ты, — теперь поворачиваюсь к Данте, — не проеби то, что имеешь. Самоуверенность в этом вопросе калечит, а иногда убивает.

«Не делай так, как сделал мой отец». Столько боли во мне и злобы.

— Она вырубил их всех и спасла меня, — говорит Аллегра.

— Как твоё имя? — спрашивает Данте.

— Леонсия Амато.

Данте словно старается вспомнить, знает он меня или нет. Но он меня не может помнить. Мы виделись, но это было давно и под другой фамилией. Донати он бы вспомнил. Радуюсь, что давно уже представляюсь как Амато.

— Я в долгу перед тобой, Леонсия Амато. Ты можешь потребовать всё что угодно, я выполню, — говорит Данте.

Я качаю головой. Ой, нет. Я из этого дерьма вылезать собираюсь, и мне помогают это сделать. Лезть в это обратно я не стану.

— Мне от вашего «брата» ничего не нужно. Но если ты надел на её палец кольцо и втянул её в свою грёбаную жизнь, будь добр охранять.

— Ты из нашего круга, — констатирует факт Данте. — Знаешь правила.

— Хотелось бы никогда их не знать, — с болью говорю я. Я бы хотела никогда не быть связана с кланами и семьями. Не жить в борьбе за деньги и власть. Не купаться в этой грязи. Но я слишком глубоко в этом.

— Ты мою невесту защитила, я проглочу это, но лишь один раз.

— Я не настолько глупа, чтобы повторить это. И дерьмо это с собой заберите. Найдут тут хоть каплю крови, или меня из-за вас уволят — я вам такой ад устрою, — говорю Данте. Он проглотил мои слова, значит, ничего не должен мне, но и я понимаю, что второй раз мне такое не простится. — Вон у того гандона всё спрашивай. И, кстати, этот гандон сказал, что продал твою невесту.

Леонсией ударяю ногой по швабре, та делает сальто, ловлю её и ухожу в кафе. Хорошо, что камеры тут не работают. Надеюсь, что никто не заметил произошедшего. И я не сделала себе хуже.

Глава 5

Черт, черт, черт. Я обещала Гарсиа, что не вляпаюсь. Но я не смогла оставить всё как есть. Просто не могла сидеть и притворяться, что ничего не происходит.

Спустя пару часов я вышла вынести мусор, но на самом деле — посмотреть, не осталось ли следов. Стоит отметить, что Каррера напряг своих людей. Ничего не напоминало о том, что тут происходило совсем недавно. Но меня всё равно трясёт. Вечером нужно будет созвониться с Гарсиа и всё рассказать.

Возвращаюсь в кофейню.

И снова тут эта дурацкая компания. Два ублюдка и раскрашенная шалава. Постоянные есть, но есть и новые девицы. Может, это сутенёры и их девочки? Нельзя так думать плохо о людях, но они меня уже достали своим поведением.

Высокий парень с ледяными голубыми глазами стоит у стойки, делает заказ. Бросает взгляд на меня.

— Я же просил её уволить, — громко говорит парень, смотря на меня с неприязнью.

В кофейне все затихли. Директор стоит, краснеет, надувается. В смысле, он просил меня уволить? Что я ему сделала? Не много ли он на себя берёт? А главное, я его даже не знаю.

— Но она хорошо работает, — трясётся директор. Не пойму, чего он его боится. — Никаких претензий к её работе нет.

— Она меня бесит, — холодно говорит парень и бросает купюру на стойку. Возвращается к своей девке, которая сразу же начинает его обнимать, гладить и целовать в шею. Встречаюсь взглядом с его ледяным.

— Ты что пялишься на моего парня?! — кричит на меня девица. Вся ситуация позорная.

Возвращаюсь к работе. Если бы не происшествие пару часов назад, я могла бы и вспылить, но много энергии выбросила и злости. Не обращаю внимания на компанию, спокойно иду, меняю воду в ведре, мою тряпку. Они сейчас уйдут.

С Аллегрой, думаю, всё вышло случайно, но дважды мне не повезёт, а я обещала Гарсиа вести себя тихо. Вдруг эти ребята специально так себя ведут по просьбе моей тётки? Надо успокоиться. Нельзя на провокации вестись. Если всё получится, совсем скоро я стану свободной. Эта мысль греет и успокаивает.

Выхожу в зал. И настроение летит к чертям. Дебильная компания не ушла. Девица ластится к парню. Они бы ещё сексом прямо на столе занялись. Вновь чувствую ледяной взгляд, но даже не поворачиваюсь.

Слышу цоканье каблучков.

— Ты на моего парня пялилась? — слышу грубый тон девицы. Она меня провоцирует, но я не поведусь на это. Она просто оскорбляет меня; если не обращать внимания на слова, они не могут больно ранить.

Продолжаю протирать полы.

— Эй, овца уродливая, я тебе... — она больно щипает за плечо. Больно, но я даже вида не подала.

— Я ни на кого не смотрела, вы ошиблись, — бурчу под нос. Дыхание, главное — дыхание. Вдох, выдох и успокоиться.

Мне её в ведре утопить — как плюнуть. Но я держусь. Я молодец, само спокойствие.

— Уродка. Слышишь, уродливая чмошница, — девица ногой бьёт по ведру, оно переворачивается, и вода разливается по полу.

И самое интересное — никто не делает замечания этой компании. Вроде как директор должен такие ситуации разруливать и не допускать. Но он притворяется, что занят подсчётом

стаканчиков. Бариста моет барную стойку. Всем плевать. Держись, Леонсия. Она просто тупая овца.

С хохотом девица уходит в туалет, а я начинаю убирать за ней последствия. Зато я уверена, что не психованная. Такое и нормальный человек не выдержит. Но мне надо придерживаться плана. У меня есть план, и я его придерживаюсь. Я стану свободной, и никто меня больше не унизит.

Сдерживаю злость, промакиваю тряпкой воду и выжимаю её с силой, представляя, что это шея девицы.

— Эй, уродка, там в туалете нагажено, — слышится голос девицы. Поворачиваюсь к ней лицом, вижу улыбку на лице. Понимаю, что она и там умудрилась испачкать. Внутри всё кипит.

— Нормальных людей ещё в детстве учат не гадить, — шиплю, не сдержавшись, я.

— Ты что, уродина, сказала?! — кричит девица, идёт в мою сторону, но на той самой воде, которую она и разлила, подскользывается. В полёте старается ухватиться за что-то, но не получается, и громко шлёпается задницей прямо в лужу. Громко шлёпается, смачно.

Мгновенная карма. Выглядит она так смешно, я не сдерживаюсь и тихо посмеялась. Эпическое падение.

Юбка мокрая, сидит в луже, каблук сломан, и, судя по всему, стукнулась она больно. Девица громко стонет.

— Тварь, это всё из-за тебя. Убить хотела, — стонет девица.

Вот дурочка.

— Ещё и смеётся, ногу мне сломала. Уа-а-а!

Какая премерзкая девушка. Как её вообще терпят. Да и актриса она плохая: ноет и постоянно посматривает на реакцию окружающих.

Бариста и мистер Барри бросаются помогать девушке. Вокруг девицы начинают крутиться.

На удивление, парень, с которым она зажималась, не двинулся даже чтобы помочь своей девушке. Продолжает сидеть с каменным лицом. Да и вся компания молчит. Странные какие-то.

— Простите, извините. Леонсия будет оштрафована и, конечно же, принесёт свои извинения вам, — тарыхтит мистер Барри.

— Я?! — переспрашиваю. Я тут при чём? Сама разлила, сама шлёпнулась на жопу. Мне за что извиняться? За отсутствие в её голове крохотного намёка на мозги?

— Да, Леонсия, извинись.

Я бы с удовольствием ей тряпкой по лицу съездила, а не извинялась бы. Девица уже стоит на ногах, бариста и мистер Барри её поддерживают за локоть. Все на меня смотрят, ожидая.

А у меня язык к нёбу прирос, стараюсь открыть рот, но не получается. С третьей попытки кое-как промычала:

— Иззззз... Изззззззз... Изззззвини.

«За то что ты тупая идиотка, которая даже ходить не может», — добавила я в мыслях. На лице моём, конечно, было далеко не извиняющееся выражение, а скорее я смотрела на неё как на психопатку, сбежавшую с дурки.

— И пускай мне обувь портрет, — требует девица.

Тут замолчали все. Все понимают, что она перегибает палку и её игра выходит за рамки. Держись, Леонсия, держись. Понимаю, что не сделаю этого. Пускай к черту увольняют. Я не стану этого делать. Всё, я устала это терпеть, к черту работу. Пусть катится. Не могу я съесть и это унижение.

— Анетт, хорош херней маяться, задолбала, — говорит парень с ледяным взглядом.

— Но она меня обидела, я чуть ногу из-за неё не сломала, у-у-у-у, — дует перекаченные губы девица и снова скулит.

О, а вот и прозвище для неё: Скулина. Даже собака, наверное, не так скулит, как эта. Кошмар какой, с такой встречаться. Представляю, как она постоянно дует губы и треплет нервы по любому поводу и скулит, скулит, скулит.

— Я сказал — поехали, — парень встаёт, берёт Скулину за шиворот и тянет за собой.

— Но она меня обидела, у-у-у. Я хочу, чтобы её унизили, у-у-у. Куда мы?

— Трахаться хочу, — отвечает парень, и его Скулина перестаёт ныть и даже задницей начала вилять. Точно собака сутулая.

Смотрю на эту компанию, и в голове одна мысль: а справка из дурки точно у меня? У них же не все дома, это и без заключения врача видно.

Зачем они вообще приходили? Поунижать меня и шлёпнуться в лужу?

Компания покидает кофейню.

— Леонсия, убери тут всё и в туалете тоже. А потом зайди — надо поговорить, — говорит мистер Барри.

— Хорошо, — отвечаю я.

Быстро убираю, вытираю полы насухо. Зато всё блестит. Такая красота. Захожу в туалет и просто в шоке. Все ведра для бумаги выпотрошены и валяются на полу. Но больше всего меня поражает, что на белом кафеле — коричневые разводы.

Я, конечно, в перчатках работаю, и они плотные, но мне становится не по себе. Подступает тошнота. Стараюсь себя отвлечь. Вот интересно: Скулина такая чистая вся, такая модная. Она прям в ладошку себе нагадила и по стенке размазала? Фу, и потом же этими руками к парню лезла. Интересно, он в курсе пристрастий своей «Скулины»? Красивое прозвище, есть что-то с французскими нотками, если произнести с правильным акцентом.

Убирать было сложно, придумала кучу шуток, чтобы всё же сделать это. Нервы ни к чёрту, стошнило дважды. После выкинула перчатки и долго мыла руки, хотя мои пальцы этого не касались, да и перчатки тоже не вымазались, но никак не могла отделаться от ощущения грязи. Даже умыться не могу, словно лицо испачкаю.

После того как закончила, иду в кабинет мистера Барри.

— Леонсия, у меня к тебе серьёзный разговор, — говорит директор, сидящий за столом. Я стою у стенки, по его виду понимаю, что разговор тяжёлый.

— Да.

— Я понимаю, что ты не виновата, понимаю, что они тебя задевают.

Да неужели, он нормально мыслит?

— Но, видимо, ты эту компанию задела и сама виновата в этом. Я уже очень устал от этой проблемы. Они требуют тебя уволить.

И что? Да кто угодно может зайти и попросить уволить любого человека, если у него не все дома. А если эта компания потребует уволить самого мистера Барри?

— Но я выполняю свою работу, а этих ребят даже не видела никогда.

— Мне всё равно, я устал. Ты уволена. На кассе возьми расчёт, я на работу, не нервы трепать прихожу. Я знаю, что у тебя справка из психушки, но пока ты не создавала проблем, мне было всё равно, теперь ты — проблема. Ещё вопросы есть?

Он чеканит каждое слово, словно приговор. Ну почему всё катится неизвестно куда? Я же никого не трогаю.

— Да почему вы не уволили меня при всех? — спрашиваю я. Если он хотел услужить кому-то из компании, надо было увольнять прямо там.

Мистер Барри усмехнулся.

— Не хотел, чтобы драка была, я же не знаю, из-за чего ты сорвёшься. Давай начистоту: тебе деньги нужны, вот ты и терпела. А я терпел тебя. Скандал я предотвратил, да и туалет кому-то надо было отмыть. Чтобы я тебя больше тут не видел.

Глава 6

Дверь в дом не закрыта. «Прекрасно», значит, у меня гости, и я знаю, кто пришёл. Только встречи с тётей не хватало. Открываю дверь, вхожу.

Тётя сидела на диване в дорогой белоснежной шубе. Закинула ногу на ногу. Как всегда с укладкой, при макияже, длинные ногти со свежим маникюром. Пальцы украшают массивные золотые кольца с камнями дизайнерской работы. По недовольному лицу понимаю, что ждёт меня уже давно. Вот только я работаю каждый день допоздна, а сегодня меня уволили. Вот чьих это рук дело. Знала, что меня уволили. Рядом с ней стояли два мужчины в чёрных костюмах. Рада, что моё наследство позволяет ей содержать охрану.

— Явилась. Собирайся, — злобно прошипела тётя Изольда, рассматривая свои ногти.

Я бросаю ключи на тумбочку, снимаю куртку, шарф, вешаю на крючок.

— Куда? — спрашиваю я, всем видом и тоном показывая, что мне неинтересно с ней говорить.

— Тебе какая разница? Собралась и поехала, — с неприязнью говорит тётя, будто эта беседа уже успела её утомить.

— У меня был тяжёлый день, тётя. Я устала и никуда не собираюсь ехать, — спокойно говорю я. Мне хочется только одного: принять душ и лечь спать пораньше, возможно, я даже поплачу о потерянной работе. Но самое важное — я хочу остаться одна.

Изольда смотрит на меня словно на грязь под ногами.

— К жениху. Давай быстрее.

Я не ослышалась? Что она сейчас сказала? К жениху. Она совсем с катушек съехала?

— Не смешно.

Тётя фыркнула.

— Леонсия, это не шутка. Я на тебя не стала бы тратить своё время, и раз говорю, то это серьёзно.

Тётя старается сделать спокойное лицо, но я вижу волнение. Она постоянно поправляет край платья, вроде как расправляя его. Изольда так делает постоянно, если нервничает.

— И всё же это больше похоже на шутку, — смеюсь я. — Ты нашла, кому меня продать?

Тётя громко фыркает.

— Больно надо. Хватит канючить, Леонсия, все претензии к своим родителям, это твой отец согласовал помолвку с Дэ Анджело, а не я. Моё дело — тебя отвезти, и всё.

— А если я не поеду? — спокойно говорю я, подходя к креслу, стоящему напротив дивана, и опираясь локтями на спинку. Смотрю на неё, не отрываясь.

Тётя оскалилась.

— Не поедешь к Дэ Анджело — он потребует оплатить этот долг, а он не тот человек, который решает миром. Хочешь, чтобы тебя выпотрошили? — тётя говорит мне это, стараясь немного посмеяться, но я чувствую нотки истерики. Тётя в панике, хоть и скрывает это. Говоря эту фамилию, её голос срывался, видимо, этот человек угрожает тёте.

Дэ Анджело... Фамилия знакомая. Смутно припоминаю. Один из глав кланов. Видимо, сегодняшний день решил испытать меня по полной. Ненавижу кланы.

— Пускай, — спокойно говорю я, пожимая плечами. Нет, я не хочу проблем, но я проверяю Изольду: если речь идёт о моём здоровье, ей плевать, но если ей тоже что-то угрожает, она занервничает.

— Идиотка, — визжит тётя. Вот и выползла правда. — Видишь этих двоих? Я знала, что ты будешь мне нервы трепать. Выбирай: либо едешь к Дэ Анджело, либо в дурку посадим, на уколы, будешь овощем лежать. Мне так проще будет.

Тётя говорит со злостью. Но она врёт: если всё можно решить, заперев меня в психушке, она даже раздумывать не станет. Она угрожает психушкой как крайней мерой. Если честно, в какой-то мере это действует. Этого места я боюсь, и простое упоминание заставляет внутри всё замирать.

— Ладно, ладно, — тяну я. — Подскажи, тётя, какое мероприятие? Мне во что одеваться?

— Что хочешь, надевай, мне плевать. Попробуешь сбежать — объявлю, что напала на меня.

Врёт. Вижу, что врёт. Она угрожает мне, старается запугать, но она сама боится кого-то.

— Я в душ, — лениво говорю я.

— Недолго. И Гарри пойдёт с тобой, — тётя пальцем показывает охраннику на меня.

— Прямо в душ? Тётя, я пожалею своему жениху, — смеюсь, говорю я.

— Идиотка, он подождёт в комнате, — визжит тётя.

Я громко смеюсь, притворяясь глупой. На самом деле мне срочно надо созвониться с Гарсиа. Потому что он единственный человек, который может быть в курсе того, что творит Изольда. Вот же змеюка.

Охранник следует за мной, нагло входит в комнату.

— Леонсия, без шуток, — говорит мне охранник, показывая на шприц в руке. О, готовился.

Я подхожу к двери в ванную комнату, открываю её.

— Убедись, там нет окон. Считаешь, я смоюсь в канализацию?

Охранник осматривает душевую, видит, что деваться мне некуда, возвращается в мою комнату и садится на край кровати.

— Там есть кресло, — прошипела я. — Не смей садиться на мою кровать.

Охранник хоть и подчиняется тёте, но с моей кровати встал и пересел на кресло.

Достаю из шкафа чистые джинсы, майку. Беру фен, коробку с кое-какой бижутерией, косметичку. Мне нужно время поговорить с Гарсиа, и я притворяюсь, что мне требуется время на сборы.

Вхожу в ванную комнату, запираю дверь за собой. Включаю воду на всю.

Достаю телефон, руки трясутся. Набираю номер Альберто и молюсь, чтобы он ответил. Один гудок, второй, третий. Ну пожалуйста, пожалуйста.

— Да, Леонсия.

— Гарсиа, ко мне Изольда заявила с охраной, и меня собираются увозить.

— Куда? — с волнением спрашивает Гарсиа.

— К жениху. Чёрт, я фамилию забыла.

Совершенно вылетела из головы.

— Дэ Анджело? — спрашивает Гарсиа, и я холодею от того, что он в курсе.

— Да. Откуда ты знаешь?

— Кристоф был другом твоего отца. Всё верно. Имеется такой договор. Откуда он у Изольды? Он же был спрятан в ящике за книгами в кабинете.

Вспоминаю, как недавно нашла кабинет в состоянии разрушения.

— В тот день, когда мы впервые встретились, я вошла в кабинет, и он был перевернут, — говорю я. Теперь понятно, что именно искала моя тётя. Но зачем ей устраивать мою помолвку?

— Надо было сказать, — говорит Гарсиа.

— Делать то что? Она говорит: или к этому Дэ Анджело, или в больницу, в состояние овоща, — шёпотом говорю я.

— Послушай, девочка, — спокойно говорит Гарсиа. — Это нам на руку. Если Дэ Анджело возьмёт тебя под защиту, у Изольды руки будут связаны. Дэ Анджело будет обеспечивать тебе защиту.

Да только я точно знаю, что за его защиту он потребует выполнить часть договора. Отказ не примет. И сбежать я просто не смогу.

— Я не хочу быть в клане, — напоминаю Альберто свою позицию.

— Я знаю. Успокойся. Я всё для этого делаю. Езжай с тётей, телефон держи при себе, посмотри на настроение Дэ Анджело, послушай, о чём будет говорить.

— А если они меня запрут и сразу замуж выдадут?

— Я знаю, куда ты поехала. Он не посмеет тебя тронуть либо запереть — это убьёт его репутацию. Если он не проведёт пышную подготовку к свадьбе, а это минимум полгода, и не пригласит всех, это будет означать, что у него проблемы. Расслабься и тяни время. Я думаю, Изольда нашла договор после моей с ней беседы и совершила огромную ошибку, придя к Дэ Анджело.

— Я правда не хочу иметь с кланами что-то общее.

— Я понял тебя. В этом направлении мы и двигаемся. Пока ошибки совершает лишь твоя тётя. Слушай всё, о чём говорят, скорее всего, сын Дэ Анджело тоже не будет рад помолвке. Может, вы и договоритесь с ним, вместе потянете время, он года на четыре старше. Всё может быть, у него может быть девушка. Каждый получит желаемое.

— Хорошо.

В дверь послышался стук.

— Долго ещё? — громко говорит Гарри.

— Мне пора, — говорю я Гарсиа и отключаю звонок. — Мне ещё голову сушить! — громко говорю охраннику.

Быстро раздеваюсь, ледяная вода обжигает, заставляя панике отступить и остаться лишь холодному расчёту. Может, Гарсиа и прав: сын Дэ Анджело по любому не будет рад мне, нарисовавшейся из ниоткуда. Договоримся с ним. А там и мои документы будут готовы.

Я быстро искупалась, голову не мыла, у меня заплетены настолько тугие косы, что никто и не заметит, в каком состоянии волосы. Быстро наношу макияж, подводя глаза чёрными тенями. Достая свои счастливые серёжки: одна в виде гвоздика, а вторые — длинные цепочки с крестом-подвеской. Натягиваю майку, джинсы.

Снова слышу стук в дверь.

— Иду уже! — громко рычу я.

Глава 7

— Не забудь держать язык за зубами, — шипит на меня тётя. В машине она сидит рядом со мной на пассажирском сиденье. Я вижу, как она нервничает, снова сменяя одежду.

Я отворачиваюсь от тёти, смотрю в окно.

Судя по виду, тётя боится человека, к которому мы едем. Я же давно не встречалась с друзьями отца, жила скорее как отшельник, прекрасно помнящий своё происхождение и правила. Не могу сказать, что мне страшно, мне просто некомфортно. Снова некомфортно.

— О себе старайся ничего не рассказывать, — снова говорит тётя.

— Мне нечего рассказывать.

— Я имела в виду — не ной о своей жизни. Я столько лет тяну тебя на себе. Всё для тебя делаю. И не желаю, чтобы ты начала поносить моё имя.

Я ухмыляюсь. Тётя задумалась о своём имени.

— У меня нет желания вспоминать ваше имя, Изольда.

— Неглая, надменная девица, — шипит на меня тётя, — вся в свою мать.

— Очень рада, что похожа именно на неё, — злась, отвечаю я.

— С Дэ Анджело шутки плохи, и ты должна это понимать. Ближайшие месяцы ты всё ещё под моей опекой, — говорит тётя. — И мы можем или дружить, или ты одна будешь справляться с этим человеком. Не считай, что сильна настолько, чтобы справиться с ним.

Её слова смешны, я уже давно сама за себя. Только Гарсиа обещал помочь, больше никто. И уж явно не от тёти мне стоит ждать помощи. Её заботы я ощутила на себе по полной, и мне совсем не понравилось.

Смотрю на её лицо — надменные черты, но она волнуется, давно такого не видела. Губы сжаты, чуть вытянуты. Так она делает, когда ищет возможность выкрутиться и найти выгоду.

Не понимаю, что именно она замышляет, но думаю, встреча с Дэ Анджело подкинет мне парочку подсказок.

— Возможно, Дэ Анджело увидит, какая ты никчёмная, и откажется от тебя, — продолжает тётя. — Это было бы лучшим вариантом.

— Разве я не обуза для вас, тётя? — вкрадчиво спрашиваю я. Изольда должна радоваться, что избавляется от меня.

Тётя меняется в лице, вижу панику — она сболтнула лишнего.

— Просто уже привыкла за тобой присматривать, — притворно отвечает тётя. — Мне надоел этот разговор. Держи язык за зубами.

На этом разговор окончен. К дому Дэ Анджело мы подъехали молча.

Территория Дэ Анджело огромная, тяжёлые ворота тихо открылись, нас сразу встретила охрана. Они уже ждали, объяснили водителю, куда ехать. По мере приближения к дому охраны становилось кругом всё больше.

Словно я в прошлом оказалась.

Тётя всё больше нервничала, но старалась сохранять ледяное лицо.

Машина остановилась у дома, нас встретил мужчина при полном параде, в чёрном классическом костюме.

Охрану тёти молча остановили другие мужчины, одним кивком показывая, что в дом они не войдут. Тёте это не понравилось, но спорить она не стала.

— Добрый день. Я провожу вас в кабинет хозяина, он ждёт, — холодно произнёс мужчина. — Следуйте за мной.

Мужчина повернулся, не глядя на нас, зашагал вглубь дома.

Нас провели по коридору, где за крепкой дубовой дверью находился кабинет хозяина этого жилища.

Шкафы с книгами по периметру, в центре — огромный тёмный стол. За ним на кожаном кресле сидел мужчина. Седые виски, ухоженная борода, обрамляющая подбородок, так же с проседью. И взгляд — тяжёлый, оценивающий, словно рентгеном проходит и видит тебя изнутри.

— Добрый день, госпожа Леонсия Донати, — говорит мужчина, вставая с места. На его лице появилось подобие улыбки. При этом он полностью игнорировал мою тётю.

Но не стоит обольщаться этому. Такие люди, как Дэ Анджело, опасны и могут быть очень жестокими.

— Добрый день, господин Дэ Анджело, — вежливо отвечаю ему.

— Присаживайся, Леонсия. Я хотел с тобой немного поговорить. И называй меня просто Кристоф, не надо формальностей.

— Я её опекун, и говорить нужно со мной, — вставляет тётя. — Как и обещала, я её привезла.

Дэ Анджело перевёл взгляд на мою тётю, лицо его изменилось. Словно она назойливая муха, которая портит жизнь.

— Изольда, вы свободны, — усмехнувшись, жёстко говорит Кристоф. При этом в глазах его столько неприязни.

— Я её опекун, — снова повторила тётя.

— Пока ваша племянница под моей крышей, ей ничего не грозит, и за неё отвечаю я, — жёстко ответил Дэ Анджело.

— Но юридически...

— На моей территории не действуют юридические законы, вы забываетесь и проявляете неуважение.

Лицо тёти в этот момент изменилось, на нём читался испуг, она стала шумно дышать. Глава клана ткнул её в неуважение — это залёт. Изольда прекрасно это понимала.

— Простите, я не это имела в виду. Просто... просто...

Тётя заблела, а я с интересом наблюдала за этим: она серьёзно испугалась.

— Моя племянница — девочка скромная, и я не хочу оставлять её наедине с мужчиной, — выдаёт тётя дрожащим голосом.

Чего? Что она несёт? Я уже много лет сама по себе. Её никогда не волновала моя жизнь и уж тем более честь. Это звучит глупо.

Но лицо Дэ Анджело смягчается.

— Понимаю ваше волнение. Вы можете удалиться и не волноваться. Леонсия приглашена на семейный ужин, ответственность за неё и её благополучие несу я.

— Конечно, я вам полностью верю, но если Леонсия задержится, я хотела бы знать, во сколько её забрать?

Дэ Анджело, судя по лицу, начал терять терпение.

— Идите, Изольда. Если понадобится, я с вами свяжусь.

На этой фразе Изольда поняла, что разговор окончен, ей не оставалось ничего, как уйти. Она сжала свою сумочку пальцами так, что они побелели, кивнула Кристофу Дэ Анджело, повернулась и наклонилась к моему уху:

— Только вякни про меня — отправишься в дурку, там овощем и сдохнешь. Я не шучу.

После чего она мило улыбнулась, а в её глазах читалось яркое, страстное желание запелить меня и устроить несчастный случай, после которого я не смогу говорить.

Можно было тётку поставить на место прямо сейчас, но это будет слишком дорого стоить. Я же привыкла сама справляться с трудностями.

Глава 8

— Леонсия, присаживайся, пожалуйста, — говорит Дэ Анджело, подходя ко мне и показывая на небольшой кожаный диван.

Выбор невелик. Ко мне он обращается очень вежливо, но не стоит воспринимать маску вежливости за слабость. Я знаю, кто передо мной.

Я присаживаюсь. Дэ Анджело садится на стул для посетителей рядом со своим столом. Он не садится за свой стол, показывая, что это неформальная беседа. Беседа по душам с главой клана. «Миленько».

Кристоф держит между нами расстояние, вижу, что он подбирает слова. Только зачем ему это? В чём его выгода?

— Что именно сказала тебе тётя об этой поездке? — спросил мужчина.

— Ничего особенного. Только то, что оказывается у меня есть жених и обязательства по договору.

Кристоф выгнул бровь, пристально смотрит на меня, словно оценивает мой ответ и старается разобраться, вру я или нет.

— Это действительно так. Мы с твоим отцом были друзьями и ещё давно хотели породнить наши семьи, да и кланам это пришлось бы на пользу.

Мне смешно. Кланам на пользу, а моё мнение никого не интересует. Законы кланов и семей. Договорные браки. Только я слишком долго была далеко от этого.

Видимо, тётка решила меня продать в последний раз. А Дэ Анджело — воспользоваться моей фамилией, да и его репутация подскочит. Не забыл о дочке друга и готов взять бедняшку в свою семью.

Мне совершенно не хочется играть в их игры. И сейчас я должна помнить о своей безопасности. Именно по этой причине я решаю сразу раскрыть кое-какой факт из своей жизни, чтобы потом им не воспользовалась тётя.

— Изольда, скорее всего, упустила один момент и не сказала, что я лежала в психушке и имею справку соответствующую.

Кристоф ухмыльнулся.

— Да нет, сказала.

Вот этого я не ожидала. Тогда зачем ему соглашаться на брак с полоумной? Что за игру они затеяли с Изольдой? Он что, решил не только принять в семью бедную невестку, ещё и о полоумной позаботиться? Но если с моей бедностью его положение усилится, то в случае с полоумной — только пострадает. Генетика имеет важное значение.

— И вы всё равно не отказались. Зачем вам полоумная невестка?

Дэ Анджело побарабанил по коленке тонкими, длинными пальцами.

— Скажем так. Я неплохо разбираюсь в людях, иначе не мог бы занимать это место. И Изольда никогда не вызывала доверия. Да и я в состоянии навести кое-какие справки.

— Это не ответ, — выпалила я и только сейчас поняла, что посмела говорить с Кристофом слишком неуважительно. Но его ответ слишком расплывчатый и не отвечает на мой вопрос, не открывая никак его истинных намерений. И всё же я позволила себе лишнего.

Дэ Анджело, на удивление, громко засмеялся, посмотрел на меня с улыбкой и начал трясти указательным пальцем.

— Копия моего друга, слышу его тон в голосе да и слова. Я уверен, что это хорошее решение. И прости старика, я забыл о договоре, и даже не думал о том, как ты живёшь, не следил за твоей жизнью. Альфредо никогда не бросил бы мою семью, в этом я уверен, и мне стыдно за своё безразличие к его наследнице.

Хотелось бы мне верить в его слова. Вроде и говорит приятные вещи, но не стоит забывать о том, кем он является. Да и не может мне повезти два раза подряд. Гарсиа обещал помочь, теперь Дэ Анджело предлагает защиту. Всё слишком быстро. После стольких лет молчания.

— Я ничего не требую от вас. Никакой помощи мне не надо, я давно не состою в кланах, и этот договор вполне можно расторгнуть по понятным для всех причинам.

— И всё же я предпочту его выполнить.

Вот же засада. Ладно, у меня есть главный план — сбежать с Гарсиа.

— И как вы это представляете?

— Деловой подход, Донати. Умница, ты меня радуешь. Я предлагаю тебе остаться в моём доме.

— Исключено.

— Так сразу?.. Остаться как гостье, это ни к чему не обязывает. Предлагаю тебе остаться, познакомиться с семьёй. Наконец-то занять своё законное место.

Он говорил всё это время, смотрел за моей реакцией. Его предложение мне совершенно не интересно, но я также понимаю, что тётя постарается заткнуть мой рот, и правильнее будет остаться здесь. «Как гостья» — означает без обязательств. «Занять законное место» — это войти в клан и возглавить дело отца. Это мимо.

— Девочка, ты думаешь, и тебе не нравится моё предложение. Мне позвонил Гарсиа, — сказал Кристоф, услышав это имя, я подскочила на месте. — Он предупредил меня, что будет представлять твои интересы. Не волнуйся, он тоже друг твоего отца, но мы на разных сторонах. Я обещал, что ты будешь в безопасности. Завтра он придет тебя проводить. Останешься?

Этот вопрос шокировал. Он может надавить, может потребовать, но даже сейчас он спрашивает, показывая уважение ко мне.

— Хорошо. Но как гость.

Дэ Анджело расплылся в улыбке.

— Кстати, я узнал, что ты сама поступила в университет, но не стала учиться. Передумала?

— У меня справка из психушки, — напомнила я.

— Да? А я поговорил с ректором, он говорит, что это секретарь ошиблась, и они с нетерпением ждут твоего возвращения.

Сердце пропустило пару ударов и замерло. Я так хотела учиться. Глубоко вздыхаю и задаю важный вопрос.

— Я вам что-нибудь должна буду за это?

— Уже нет. Я хотел услышать своего друга Альфредо, и ты мне это дала. Старый стал сентиментальный, но не говори об этом никому. Кому скажешь — я убью этого человека не размышляя, — произнёс Дэ Анджело и засмеялся. Но это не шутка.

— Я мало с кем общаюсь. В любом случае, не хочу быть вам должной.

— Леонсия, ты умна, мне нравится. Ты просто гость и ничего не должна. Ты сама поступила, и просто я указал ректору на путаницу. Мне это ничего не стоило. Идём ужинать? Я познакомлю тебя с семьёй.

Я легонько кивнула. По его словам, я ничего не должна, но всё равно нужно уточнить у Гарсиа.

Кристоф Дэ Анджело взял со стола конверт, который передал мне.

— Тут карта. Если тебе потребуются деньги, бери всё, что тебе нужно.

— Спасибо, не надо.

— От заботы главы клана не отказываются, — жёстко сказал Дэ Анджело, видно, что он устал от моих отказов. — Бери.

Дэ Анджело сунул мне в руки конверт, открыл дверь рукой, показывая на выход, пропуская меня вперёд. Я выхожу из кабинета. Конверт свернула и убрала в задний карман джинс.

Но я не возьму его денег. Не сниму с этой карты ничего. Мой план — держаться от Изольды подальше, сделать документы и начать новую жизнь.

— Тебе подготовили комнату.

— Я могу поехать домой?

— Ты гость, конечно, можешь. Но я бы настоял на том, чтобы ты осталась. Завтра Гарсиа будет тут, и на этой беседе тебе стоит присутствовать. Ты сможешь задать любые вопросы, а Гарсиа кое-что объяснит, — продолжает говорить Дэ Анджело. Мы проходим в большую светлую столовую. Посередине стоит белый длинный стол, за которым уже сидит одна молодая женщина и девушка моего возраста. — А теперь оставим разговоры. Добро пожаловать на наш ужин. Мои дорогие, позвольте представить нашу гостью Леонсию Донати.

Глава 9

— Добрый вечер, — поздоровалась я.

— Леонсия, познакомься — моя супруга Фелиция, — Кристоф показал рукой на свою жену.

Симпатичная женщина.

— Добрый вечер, Леонсия, проходи, присаживайся, — рукой она показала на свободное место.

— А это моя дочка Амина, — представляет Дэ Анджело свою дочь.

Девушка моего возраста, с идеальным макияжем, причёска собрана, уложена стилистами, на ней модное платье, подходящее к украшениям. Девушка кивнула мне.

Чувствую себя немного не по себе. Я уже и не помню, когда в последний раз присутствовала на таких мероприятиях.

В секунду у стула появился официант, который отодвинул стул, помогая мне присесть. Я, конечно, не совсем правильно одета для данного мероприятия, но правила этикета помню даже не задумываясь, они у меня с самого детства.

Передо мной сразу же появляется тарелка с салатом.

Смотрю на тарелку и, главное, виду не подаю. Последнее время я не едой питалась, получая удовольствие от неё, я просто закидывала в себя топливо для того, чтобы не умереть. Но от вида этого салата у меня слюнки потекли. Овощи стоят безбожно дорого. Важно держать лицо и не показать этой слабости.

Пробую салат и улетаю на небеса от удовольствия. Как же это вкусно. Плакать захотелось. Как долго я не ощущала вкусов.

— Леонсия станет невестой Лео? — прервала молчание Амина, а я чуть не поперхнулась. — Сочувствую.

— Амина, — недовольно шикнул на неё Дэ Анджело.

— А что, это не секрет, Лео не рад этой помолвке. А ты, Леонсия? Стремишься стать его женой? Ты знакома с ним? Видела его фото в журнале? — спрашивает Амина, смотря на меня пристально.

— Хорошая сестра, за брата волнуешься, — спокойно говорю я. — А сама как думаешь? Мне только сегодня сказали об этом.

С ней мне нет причин говорить учтиво, мы одногодки, обе носительницы важных фамилий, и терпеть её выпады я не собираюсь. Грубить нехорошо, но мы обе это делаем.

— Да ладно? — не веря в мой ответ, говорит Амина. — Небось все тетради исписала сердечками «Лео и Леонсия».

Что за пошлый, радужный бред она несёт?

— АМИНА!!! — строго говорит Фелиция.

Я тихо смеюсь, прикрыв рот ладонью. Неужели я похожа на ванильную девушку, которая мечтает о принце.

— А что? Я просто хочу показать, что приём не будет тёплым. Она должна понимать и оставить надежды на ванильную сказку.

Дэ Анджело громко хлопнул ладонью по столу. Амина подпрыгнула и изменилась в лице, понимая, что перешла границу дозволенного.

— Амина. Ты моя дочь, но не смей проявлять неуважение к госте в моём доме, моей госте и госте твоей матери.

Амина спрятала глаза, её плечи чуть поникли.

— Простите, Леонсия, — заговорила Фелиция, стараясь сгладить обстановку. — Просто для нас всех эта новость стала неожиданностью.

— Всё хорошо, меня сложно обидеть, и я прекрасно понимаю ваши чувства и волнение за брата, — я смотрю на Амину. — Я не жду сказки.

Амина поджимает губы, мой ответ ей может и понравился, но он выставил её в не очень красивом свете. Жаль.

Но как мне нужно было себя вести? Я так же не в восторге от этой новости, радуется то, что и Амине, и её брату она не по нраву. Может, мы и вправду сможем с ними договориться. Будем притворяться, а потом разойдёмся, и каждый останется при своём.

Стоит подружиться с этой девушкой. Её чувства понять можно. Но забывать её тон и слова я не стану. Я тоже тут не по собственной воле, но как минимум не предъявляю, что его брату может достаться такая замечательная «я», которая, между прочим, против.

— Леонсия, вы учитесь? — спросила Фелиция с мягкой улыбкой, стараясь сменить тему.

— Завтра она может ехать в университет, ректор уже ждёт её, — ответил за меня глава семьи.

— Серьёзно? Пап, ты прям решил все проблемы решать, — не сдерживаясь, начинает возмущаться Амина.

— Ты снова?

— Нет, я просто...

Я решила, что они могут и сами поговорить. Спокойно доедаю салат. И официант приносит мне стейк. Нет, не стейк. А так: СТЕЙК!!! И музыка в ушах зашумела при этом слове. Запах обжарочный. На поджаренной корочке ещё видно, как шипит сок. Мяса давным-давно не ела.

Отрезаю кусочек, отправляю в рот и — вот оно, блаженство.

Мясо просто тает во рту. Если чтобы такое есть нужно слушать недовольство Амины, я готова. Да я убью за такое блюдо. Какая же вкуснятина. Тому, кто это готовил, надо руки целовать, потому что они золотые. Это не стейк, это произведение искусства, но в музей я его не отдам, только в свой собственный желудок, который сейчас боится спугнуть такую щедрость.

Может, Изольда и ужасная тётка, но за этот ужин ей огромное спасибо.

Как только Гарсиа поможет с документами, я тоже куплю стейки и научусь их готовить.

— Между прочим, она сама поступила в университет, — говорит Дэ Анджело.

А я и не слушаю их беседу, танцевать охота с этой вилкой, на которой очередной кусочек вкуснейшего мяса. На тарелке соус, судя по цвету, из ягод, макаю, пробую, и это вообще отрыв головы. Да не может быть так вкусно.

— Да и почему я тебя ни разу не видела? — спрашивает Амина.

— В университете напутали и дали место более известной личности. Дочка, давай я не буду тебе объяснять, как это происходит.

Амина громко фыркает. Отец недоволен на неё смотрит, Фелиция старается сгладить обстановку, а я доедаю стейк.

— Так а чем вы занимаетесь? — спрашивает Фелиция.

— Работаю, — спокойно отвечаю, пожимая плечами.

Наелась от пуза, и теперь моё настроение просто отличное, можете говорить, что угодно.

За столом повисла тишина. Амина смотрит на меня, выпучив глаза и хлопая ресницами. Фелиция словно не верит в это, а Дэ Анджело скривился недоволен.

— Почему ты работаешь? — спрашивает Фелиция.

И снова не знаю, что ответить. Вот странные, а зачем людям работа? Чтобы есть, чтобы жить, чтобы покупать одежду.

— Потому что наша жизнь требует денег, — спокойно ответила я. — А для получения денег надо работать.

Я говорю очевидные вещи.

— Разве ты не с карточки берёшь деньги? — спрашивает Амина.

— С какой карточки?

— С банковской, прикладываешь, и она всё оплачивает.

Мне смешно, если честно, она считает, что деньги появляются с карточки. Ну да, если ты бездомный — купи дом. Не хочешь быть бедным — просто стань миллионером. Всё просто. Сама простота. И мне она говорила о ванильной сказке? Стараюсь не смеяться, но её простота меня доводит. Прикладываешь и оплачиваешь. Вот же я дуручка, жила и не знала о таком чуде, как банковская карта.

— Я сама живу уже несколько лет и сама себя обеспечиваю, — объясняю я.

— Серьёзно? Как сама? Ты прям сама за всё платишь? — с Амины слетела вся спесь. — Что прям и еду, и одежду, и охрану? Всё сама?

— У меня нет охраны.

— Как нет охраны? — не унимается Амина, она всё больше сыплет вопросами.

Мы с ней совершенно из разных миров. Она — любимая дочка, принцесса папина, я бы была такой же, если бы не смерть родителей. А теперь я совершенно другая.

— А ты останешься у нас? Я хочу узнать, как это — жить одной.

— Да, Леонсия останется у нас, — подтвердил Кристоф.

Амина сыпет вопросами. Спрашивает, куда я хожу гулять, до сколько могу ходить по городу. Судя по всему, она тут словно в золотой клетке. За ней тщательно присматривают и никуда не отпускают.

Беседа перешла в мирное русло. Девушка больше на меня не нападала. Задаёт вопросы, но я уклончиво отвечаю, потому что Кристоф слушает каждый ответ.

— Подскажите, — немного помявшись, спрашиваю я, — я встаю очень рано, есть возможность выйти из дома пораньше?

— А куда ты собралась?

— Никуда, я по привычке встаю в пять. И... иду на пробежку. Не хочу мешать вашему укладу и сну.

— Я покажу тебе дом, — предлагает Амина. — Почему люди вообще встают так рано?

— Привычка.

— Вот у Лео тоже привычка. Каждый вечер тренировка. Не понимаю его.

Амина мило болтает, от неё больше не чувствуется негатива. Это неплохо. Мы можем подружиться на какое-то время, и, может, она поговорит с братом, объяснит, что я не горю желанием выходить замуж, и мы договоримся. А пока я буду под защитой и подальше от тёти. В принципе, всё складывается как нельзя лучше.

— О, а вот и Лео, — говорит Амина.

Я, улыбаясь, поворачиваюсь и вижу его. Нет, с ним мы хрен договоримся. Тот самый парень из кафе, из-за которого меня сегодня уволили.

Глава 10

Повезло так повезло. А я всё ждала подвоха. Ну не могло же всё быть ровно и гладко. Вот держи, Леонсия, получи и распишись. Твой жених — мажор, кобелина и отбитый придурок.

Высокий, с холодным безэмоциональным взглядом и весьма мерзким характером. Чего только стоит его требование меня уволить.

А я сижу, ужинаю и сама не верю своему счастью: и Гарсиа мне предлагает помощи, и Дэ Анджело может от тётки оградить, и с Фелицией мило общались. Амина хоть и фырчала поначалу, но мы разговорились. Да, она совершенно другая — нежная и тепличная, но неплохая.

Я уже надеялась, что меня наградили небеса адекватными людьми за то, что я много лет с тёткой жила. И всё же я ошиблась — баланс восстановлен.

Вот мой жених. Интересно, он знал, кто я, когда приходил со своими девками и молча наблюдал за издевательствами надо мной? Конечно, знал. Это понятно. Он видел меня и не удивлён моему присутствию тут. А значит, издевались его подружки надо мной по его команде. И компания эта появилась совсем недавно в кофейне. Видимо, этот самый Леон узнал о договоре и решил мне отомстить? Жаль, что я этого не знала раньше и терпела его подружку.

Ну пришёл бы, рассказал сразу — да я с радостью откажусь от помолвки. Но нет — молчаливо унижать.

И с этим человеком я должна о чём-то договориться? Это точно не получится.

Начинаю закипать изнутри. Мне тоже эти договорённости не нравятся, но я не веду себя как последняя сука.

— О, Леон, сынок, наконец-то ты пришёл. Садись за стол, познакомься — Леонсия Донати, — говорит Фелиция, представляя меня. — А это наш сын Леон Дэ Анджело.

Киваю, натягивая улыбку, а сама сдерживаюсь от желания швырнуть в него вилку — она прекрасно смотрелась бы, торча в его тупой башке.

— Безмерно счастлив знакомству, — ледяным тоном сказал Леон, даже не взглянув в мою сторону, сел напротив меня и скривился.

У-ти, пу-ти. Обидели мышку, написали в норку. Смотрите, как недоволен знакомству, а я в восторге будто. Ну могли же договориться. Но с этим не договоримся. Я точно не забуду его девок.

Хорошо, что в этот момент принесли десерт, и я снова радовала свой желудок изысками.

Кристоф и Фелиция бросают взгляд то на меня, то на своего сына. А мы притворяемся, будто один другого не видит.

В комнате повисла гробовая тишина. Даже не хочу на него смотреть — боюсь, что не сдержусь и запущу в него тарелку.

— Леон, представь, Леонсия работает, — с восторгом выдаёт Амина, толкая брата в бок локтем.

Я чуть глаза не закатила — не самая хорошая тема для разговора. Хотя с Леоном не найдётся хорошей темы.

Леон усмехнулся, не поднимая взгляда и продолжая ковыряться вилкой в еде.

— Прямо работает. Прямо с утра на работу пойдёт? — спрашивает Леон и поднимает на меня ледяной взгляд.

Мне становится смешно. Он рассчитывает, что я пожалуюсь? Думает, я расскажу, как он себя вёл последнее время в кофейне? Или мне стыдно должно быть, что меня уволили? Нет, не угадал. После прекрасного ужина мне на Леона плевать, сил и язвительности во мне хоть отбавляй.

— К сожалению, сегодня меня уволили, но найти новую работу несложно, — спокойно говорю я. Тут я, конечно, приврала, но без контроля тётки мне и правда должно стать легче.

— Отлично, — говорит Кристоф. — Замечательно. Не надо искать работу, ты сможешь сосредоточиться на учёбе. Тем более ты пропустила пару месяцев, и преподаватели на тебя насядут. Будут требовать. Но если что — ты только скажи, я позвоню ректору, и он поймёт, что тебе надо время всех догнать.

— Я ничего не пропустила, — спокойно сказала я. — Всё это время я смотрела лекции онлайн, купила доступ в интернете, мне присылали задания — я ничего не пропустила.

Дэ Анджело хохотнул — один раз, второй, а потом очень громко засмеялся.

— Прости, Леонсия, я не над тобой смеюсь, я просто не думал, что можно так выкрутиться.

— Главное — упорство и цели, к которым ты идёшь. Путь не важен.

— Я бы тоже хотела поработать, — говорит Амина мечтательно.

Она такая милая и наивная. На неё просто нельзя обижаться, она словно фея, пришла из сказочной страны и удивляется бытовым вещам.

— Уборщицей? — грубо говорит Леон. Нет, не сказал — выплюнул. Долго же мальчик держался, но не выдержал. Раздражаю я его, а мне на душе приятно стало.

Видю, как на меня переносятся взгляды.

— Да, я работала уборщицей. Хорошая работа, — парирую я. — А что в ней плохого? Ну, только ситуации, когда сталкиваешься с зажавшимися, некультурными людьми. Опять же это воспитывает характер.

Говорю это и пристально смотрю на Леона. Что же он мне ответит? Правда, я не собиралась с ним ругаться и хотела игнорировать, но он меня бесит. Его тона мне хватило сегодня в кофейне.

— И много характера нужно, чтобы обуздать тряпку и швабру? Прекрасная работа для тех, кто ни на что не способен в этой жизни, — злобно со смехом говорит Леон.

Вот урод. Держись, Леонсия, держись, не вздумай в него что-нибудь кинуть, допустим, этот графин с соком. И если физически я его не собиралась трогать, то не ответить не могла. Моему возмущению нужно выплеснуться. А Леон меня жутко бесит.

— Конечно, — смеюсь, отвечаю Леону. — Для тряпки характера много не надо, совсем другое дело — прожигать свою жизнь. Интересно, сколько требуется сил и характера, чтобы гулять и тусоваться за чужой счёт?

Мы же все понимаем, что он наследник своего отца. А то, как он по-хамски себя ведёт, показывает лишь одно: он совершенно не знает жизни. На всём говеньком. А мальчикам ой как не нравится, когда их в это тыкают, словно котёнка.

— Мышление бедных. Прямо слышится зависть, — отвечает Леон, но я вижу ненависть в его глазах. Я точно нащупала и ткнула его в болезненное место.

Мне кажется, даже воздух стал напряжённым в комнате. Смотрим друг на друга так, что вот-вот накинемся. С удовольствием задушила бы этого самовлюблённого нарцисса.

— Зато мышление, оно хотя бы присутствует. А про зависть — нет, безразличие.

— Тогда к чему этот спор?

— Тогда к чему ваши оправдания?

— Это не оправдания, это чёткое разделение на классы, — процедил Леон, указывая мне на моё место в этой жизни.

— Позиция неудачников, которые сами не способны ни на что. Боятся руки запачкать, но стоит им лишиться защиты и поддержки — они и в туалет без помощи не сходят, не то чтобы капиталы приумножать.

Леон подскочил с места, опираясь руками на стол, смотрит на меня с ненавистью.

— Для приумножения капитала не обязательно в говне по уши сидеть, — не сказал, а выплюнул он, — прикидываясь, что так сложились обстоятельства, и прося жалости. Главное — ручки поильнее запачкать и плакать.

Это он сейчас меня оскорбил? Это я в говне по уши? Ну держись.

Подскакиваю, встаю напротив Леона.

— Жалость? Больше вызывает жалость парень, у которого девушка, заходя в общественный туалет, обмазывает стены тем самым, в чём по уши, а потом этими руками обнимает парня. Хотя, может, это такие игры.

Лицо Леона надо было видеть в этот момент. Оно сменилось. Сначала он понял, о чём я говорю, потом посмотрел с недоверием, но моя победная улыбка подтверждала мои слова. После — брезгливость, бедненького чуть не вырвало, но он справился, и вот смотрит на меня с ненавистью.

— А вы знакомы? — тихим голосом спросила Амина.

— НЕТ! — в один голос выпалили мы оба, садясь за стол.

Хорошо, что она задала этот вопрос — я вспомнила, что в комнате присутствуют люди, кроме этого индюка. Выдохнула и постаралась успокоиться.

— Вы просто так говорили, как будто знакомы, — снова говорит Амина.

Все остальные молчат, понимая, что не стоит поднимать эту тему. Более того, по лицам родителей видно, что они всё поняли. Но не наивная Амина.

— У вашего брата, Амина, слишком типичная внешность, ничем не выделяется. Точно не запомнила бы, если видела раньше.

Леон громко усмехнулся, но промолчать не смог:

— На вас, Леонсия, я даже не взглянул бы, — ответил мне Леон с презрением во взгляде. И снова тишина в комнате.

Так. Надо успокоиться, созвониться с Гарсиа и всё ему рассказать. Только сейчас понимаю, что могу лишиться защиты от тётки, с другой стороны — защита в комплексе с этим идиотом мне не нужна и давно.

— Спасибо огромное за прекрасный ужин, — благодарю я Кристофа и Фелицию Дэ Анджело. — Если вы не против, можно я откланяюсь? Был очень тяжёлый день.

— Да, конечно. Амина, проводи гостью в комнату и покажи дом, — говорит Фелиция.

— Ещё раз спасибо за ужин, он великолепный. Ничего подобного давно не ела.

Глава 11

Мы с Аминой вышли из-за стола и покинули комнату.

— Наш дом, — говорит Амина, когда мы входим в холл, — это главный выход. Именно через него мы и попали в дом. Но тогда я просто шла с тетей и не особенно разглядывала. Просторный холл, пол из мраморной плитки, массивная лестница, ведущая на второй этаж. Дверь главного входа большая, массивная, я точно не смогу тихонько выйти.

— А есть другой выход?

— Да, идем, — Амина берет меня за руку. Я сначала хотела отдернуть руку — не привыкла, чтобы меня кто-то касался, но Амина — сказочная фея. Не нужно это забывать.

— На первом этаже у нас кабинет отца, кухня, в правом крыле — комнаты прислуги. У них свой выход.

Не хочется утром будить людей, которые и так много трудятся.

— Но ты гость, и тебе не положено теми дверьми пользоваться.

— Я не считаю это чем-то низким. Другое дело, что я топать буду.

— Идем, идем, — Амина тянет меня за собой, — Проще всего через бассейн. И запомнишь быстро. Со лестницы спустилась, прошла по коридору все время прямо — и вуаля.

Амина торжественно открывает дверь, за которой — стеклянная комната с длинным бассейном. Огромное количество зеленых цветов в горшках. Это самый настоящий зимний сад, только еще и с бассейном, в котором можно олимпийские соревнования устраивать. Все, как и положено: дом соответствует репутации хозяина.

— И смотри, — Амина подходит к двери, — Никого не разбудишь, по утрам тут никого нет. А если замерзнешь — по утрам уже холодно, — есть сауна, можно погреться.

— Спасибо.

Да, с моим домом не сравнится. Мой требует серьезного ремонта. Тут все в идеальном состоянии. Дом — это живой организм, и тут есть жизнь, мой словно умер вместе с родителями.

Амина открыла стеклянную дверь, холодный ветер моментально окутал. Она показала в сторону.

— И, кстати, если побежишь в сторону того высокого дерева, найдешь площадку. Там Леон по вечерам тренируется.

«Спасибо, что предупредила», — туда я точно не пойду. Мне хватило ужина с этим индюком. Больше с ним встречаться не хочется.

— У меня возникло такое ощущение, что тебе не нравится Леон, — протянула Амина, возвращаясь в комнату и закрывая дверь.

Ощущение? Да он мне не просто не нравится. Я его не перевариваю на дух.

— Твой брат мне совершенно не нравится, — подтвердила я.

Амина долго смотрела на меня, обдумывая мой ответ.

— Ты прости, что я тебе нагрубила. Просто у меня и подруг нет. Я же понимаю, что девочки в университете общаются со мной только чтобы с Леоном познакомиться. А я им не интересна. И, знаешь, у меня такое ощущение, что меня используют. Я думала, ты такая же. Мечтаешь стать женой Леона, тайно обожаешь его, в телефоне куча его фотографий.

Я скривилась.

— Фу. Меня сейчас стошнит от твоих слов. Мне правда не нравится твой брат, он заносчивый и вообще не в моем вкусе.

Правда в том, что я из-за работы даже не думала о парнях. Понятия не имею, кто в моем вкусе, но точно не этот.

— Но вы с ним знакомы? — снова спрашивает Амина.

— Нас не знакомили с ним, но мы виделись раньше.

— Странно, обычно он влюбляет в себя с первого взгляда.

Я начинаю смеяться — это, правда, скорее истерический смех.

— А где вы виделись? Кстати, пойдем, я покажу твою комнату.

— На работе. Он приходил со своей компанией.

Амина закатила глаза и громко вздохнула.

— Видела Анетт? Она постоянно за Лео таскается. Меня не трогает, но девочек в университете жестко кошмарит. Кто не понравится — сразу в туалет тащит и толпой избивает.

— У нее какой-то туалетный фетиш, — смеюсь, говорю я.

Амине понравилась моя шутка. Она оказалась еще и болтушкой. Я не против, спокойно ее слушаю. Возможно, она и правда не может найти компанию и чувствует себя использованной. И как так вышло — она хорошая девушка, родители вежливые и спокойные, и такой сын-ублюдок.

Дорогу я запомнила. Мы поднимаемся по лестнице. Амина провожает меня к двери и показывает мою комнату.

Просторная, с огромной кроватью, застеленной белым постельным бельем. Тут есть и столик журнальный, рядом кресла. Шкаф для одежды. Только я ничего с собой не взяла. Слева от кровати — стеклянная дверь, за которой оказалась ванная. Не ванная, а отрыв башки. Сама чаша для купания круглая из камня, много цветов в вазах. Кстати, я заметила, что в доме Дэ Анджело очень много цветов. Большое зеркало, каменная столешница с раковиной. Но больше всего я была в шоке от душа. Прямо посередине комнаты на потолке — тропический душ. Странное такое решение, впервые вижу такое. Но это даже интересно.

— А где твои вещи? — спрашивает Амина.

— Я не брала вещей.

— А как ты без вещей, без косметики?

— Ну, я же не знала, что останусь, — пожимаю плечами, присаживаясь на кровать. Божечки, матрас мягкий, словно облачко, так и хочется лечь и заснуть.

— Ты отчаянная. А как ты спать будешь? Давай я принесу тебе что-нибудь из своего.

— Мне бы майку. А завтра я заеду за вещами домой.

— Подожди меня, — говорит Амина, убегает в сторону дверей и кричит по дороге, — Моя комната напротив твоей, кстати!

«Или просто поеду домой», — Сейчас надо созвониться с Гарсиа и обсудить с ним дальнейший план действий. Но тут я надолго не останусь. Думаю, Кристофу и Фелиции не понравился скандал между мной и Леоном, и они сами поймут, что затея вышла плохая.

Жду Амину, рассматривая комнату. Пол в мягком бежевом ковровом покрытии, ремонт свежий. Замечаю еще одну двухстворчатую дверь с другой стороны кровати. Наверное, гардеробная.

Амина вернулась с ворохом вещей.

— Что это?

— Как что? Пижамы, спортивный костюм. Я их не ношу, а ты завтра на пробежку в джинсах пойдешь? Костюм тебе будет как раз, и к твоим волосам подходит. Завтра тебе в университет ехать. Ну, и кое-что из косметики, и вот халат. Но если хочешь, я поищу ночную рубашку. Все новое, это я даже не надевала.

— Спасибо огромное, мне бы и майки хватило.

Я начинаю разбирать вещи. Брендные, стильные. Все больше понимаю, что Амина очень мягкий человек. Я попросила майку, а она мне кучу своего отдала. Вероятно, ей и правда часто пользуются, у нее душа нараспашку, а таких любят использовать.

Амина немного загрустила. Мне даже стыдно становится.

— Правда, огромное спасибо, я просто не ожидала, — говорю я, улыбаясь, и вижу, как глаза Амины засияли. — Это гардероб? Надо все повесить, чтобы не помять.

И тут девушка отвела взгляд и прикусила губу.

— Это не гардероб.

— А что там?

— Там как бы... Ну, ты пойми... Прислуге сказали, что приедет невеста, и они подготовили комнату для невесты Лео.

— И?

— И там комната Лео.

— У нас смежные комнаты? — с ужасом спрашиваю я. Только этого не хватало. Да что ж за баланс во вселенной! Чего она мне подкидывает постоянно испытания? — Это что, твой брат сможет ко мне зайти в любой момент?

— Нет, — спокойно объясняет девушка, открывает шкаф и помогает развесить одежду, — Замок с твоей стороны. И не волнуйся, сейчас родители скорее всего отчитывают Лео. Он вел себя ужасно, впервые его таким видела. Он ничего тебе не сделает и не войдет. Но просто... это твоя комната.

Прекрасно, просто превосходно: к моему статусу невесты одного идиота добавилась комната со смежной дверью.

Надо успокоиться и позвонить Гарсиа. Одну ночь переночую и поеду домой. Сегодня был достаточно тяжелый день, и меня уже тянет в сон.

— Ты, наверное, спать уже хочешь? — предполагает Амина, видя мой уставший вид.

— Да.

— Тогда до завтра. Увидимся за завтраком.

Глава 12

Ухожу в ванную комнату. Включаю воду, умываюсь холодной и смотрю на свое отражение. Уставший, замученный вид. Косы ужасно жмут, и голова раскалывается. Расплетаю волосы.

Надо немного собраться с силами и позвонить Гарсиа. Достаю телефон и набираю номер Альберто. Он ответил после первого гудка, словно ждал моего звонка.

— Как дела? — сразу же спросил он.

— Можно сказать, нормально, — сдержанно описала этот вечер я.

Гарсиа немного помолчал, но потом спросил:

— Кристоф повел себя как-то недостойно?

— Нет, нет... Просто не получится у меня договориться с его сыном. Это вообще не сын, а недоразумение. Он мерзкий и самовлюбленный тип.

Не знаю, чего я так закипаю. Все было прекрасно, но наследник Дэ Анджело меня просто выводит из себя.

— Все так плохо?

— Да, мы успели поругаться за пять минут нахождения в одной комнате. Гарсиа, я когда его увидела, сразу поняла, что мы не договоримся.

— Ты с ним знакома?

Не вижу смысла умалчивать. Альберто мне помогает, и от него секретов быть не должно. Да и особенно я не обращала внимания на конфликт с мажорной компанией — мне было плевать. Но сегодня я поняла, что они меня специально задевали, и причина именно в Леоне.

— Ко мне на работу приходил. Я так понимаю, он узнал о договоре и приходил поиздеваться.

— Ты ночевать останешься у Дэ Анджело?

— Да. Он сказал, что ты завтра приедешь.

— Верно, приеду, — Гарсиа затих, и я понимаю, что он что-то хочет сказать, но подбирает слова. — Скажу тебе больше: я «за» то, чтобы ты пожила именно там.

Странный поворот, конечно. Вроде с Дэ Анджело они не друзья, и Кристоф это подтвердил. Да и мое нежелание войти в клан Гарсиа вроде принял.

— Почему?

— Я заплатил одной санитарке, и она теперь присылает мне интересную информацию о том враче, который поставил и продлевал твой диагноз. Сегодня вечером он закрылся в кабинете и долго с кем-то говорил, а после сказал готовить комнату отдельную и кое-какое лекарство заказал.

— Ты думаешь, для меня.

— Я уверен в этом. Тетка хочет тебя запереть и посадить на лекарства. Пока ты под крышей Дэ Анджело, она тебя не тронет.

Как же я хочу свободы от нее. Как же я устала. Изольда никак не может успокоиться. Хотя для нее это выход: меня — в овощи, она продает остатки наследства. Дом недорого стоит в таком состоянии, но участок, на котором он стоит, имеет ценность, и тетка об этом знает. Я так полагаю, она пришла с договором к Кристофу, а вот дальше видимо не смогла получить от него оплаты. И теперь она злится. А в злости тетка придумывает разные планы и не пощадит никого. Тем более меня — свою неприязнь она не скрывает.

Я тяжело вздыхаю. Сама не могу разобраться и прошу совета у Гарсиа:

— И что мне делать?

— Есть несколько вариантов. Вернуться домой, но Изольда будет действовать — охрану наняла себе не просто так. Заявить о тебе как о наследнице и требовать суда для Изольды. Или

остаться у Дэ Анджело. Во всяком случае, это дает нам немного времени, и я могу спокойно заниматься твоим делом и быть уверенным в твоей безопасности. Сейчас я боюсь даже из города уехать.

— Мне придется терпеть этого ублюдка и кивать ему, — спокойно констатировала факт я. — Плевать, лучше немного унижения вытерпеть, чем в психушку или в кланы.

— Я могу поговорить с Кристофом насчет сына. Он предпочтет не влезать, но если ты сама не сможешь справиться с Леоном, конечно, я помогу.

— А я могу ему отвечать? — переспрашиваю я.

— Если он себя ведет недостойно, ты можешь ответить тем же. Это ваши личные отношения.

— У нас нет отношений, — поправляю Гарсиа.

— Ваши личные НЕ-отношения, — смеется Альберто.

А мне не смешно. Мне не нравится, когда такие слова используются в отношении меня и этого павлина.

— Так это меняет дело.

— Справишься?

Смотрю в зеркало на свое отражение и вижу, как по лицу ползет улыбка.

— Конечно.

— Кстати, Дэ Анджело предлагал взять твои расходы на себя? Это важный момент.

— Да, он мне карту дал. Я отказывалась, но он настоял. Но я не собираюсь брать его деньги.

— Вот и отлично. Правильно, не бери. Завтра я приеду, привезу наличные и карту. Наличными — десять тысяч, и на карте — десять тысяч евро. Это твои деньги.

— Зачем так много?

— Нормально, Леонсия. Будешь тратить, будешь жить. А главное — ни у кого вопросов не вызовут эти деньги. Изольда будет думать, что это Кристоф за тебя платит, а ты при этом ничего не будешь должна Дэ Анджело.

— Ну ладно, — говорю я, а самой как-то не по себе. Я не привыкла к заботе, не привыкла к таким суммам. В любом случае я не потрачу слишком много. У меня уж давно нет такой привычки. — А я могу купить планшет графический?

Гарсиа засмеялся.

— Ты можешь покупать все, что захочешь. Это твои деньги.

— Спасибо большое за помощь, Альберто.

— Брось, Леонсия. Я должен был лучше участвовать в твоей жизни, теперь будем исправлять мои ошибки. Ладно, хватит болтать, уже поздно, ты, наверное, устала.

— Спокойной ночи, Гарсиа.

Выхожу из ванной. Улыбка не сходит с лица. Завтра я могу купить себе планшет, и у меня его не отберут. Больше мне не нужно работать уборщицей — я просто могу выполнять заказы по дизайну и рисовать. То, что я люблю больше всего на свете. Достаяю из кармана джинс конверт с банковской картой, убираю ее в комод. Этими деньгами нельзя пользоваться. Хоть Дэ Анджело и сказал, что я гость, но жить на его деньги — значит войти в семью. Войду, и меня не отпустят, как бы я этого не хотела.

Переодеваюсь в пижаму с кроликами — ту, которую мне Амина принесла. Выключаю свет и ложусь на кровать.

Божечки, как же мне хорошо! Я сытая, в тепле, и мне так спокойно. Особенно меня радует то, что у Изольды связаны руки. Совсем скоро я стану абсолютно свободна.

Слышу, как в соседнюю комнату открылась дверь и громко хлопнула.

Ну и слышимость. Хотя плевать. Да, за стенкой — зажавшийся мажор и подонок Леон. Но Гарсиа дал мне разрешение себя защищать. И я Леону не завидую. Все это время я терпела

не потому что не могла защититься, — я боялась последствий. И вот мне дали «добро». Ну что же, Леон Дэ Анджело, не захотел со мной мирно? Быть войне. И это столкновение будет фееричным.

Глава 13

Как обычно, я проснулась в пять. Прекрасно выспалась. Даже появилось желание немного поваляться и никуда не идти, но я сама себя отругала за эти мысли. Дисциплина. Такеши уже устроил бы мне головомойку, в лучшем случае поясом отлупил. Но во всём виноват этот прекрасный матрас, на котором так сладко спится.

Я тихонько выбралась из-под одеяла. Достала из шкафа спортивный костюм, который мне принесла Амина. Вещи и правда ни разу не ношенные, даже бирки с ценой присутствуют.

Можно было сегодня не идти тренироваться, всё-таки мне неудобно за то, что могу разбудить. Но я всё равно больше не усну, а сидеть без дела не могу, да и тело само требует нагрузки. Тихонько открываю дверь, стараюсь идти словно мышка, подсвечивая себе дорогу телефоном. В доме тишина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.